

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παράλιπομένων

Лев Тарасов
Отрицательные
линии

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

Лев Михайлович Тарасов
Отрицательные линии:
Стихотворения и поэмы
Серия «Серебряный
век. Паралипоменон»

prussol

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6602182

Отрицательные линии. Стихотворения и поэмы: Водолей; Москва;

2014

ISBN 978-5-91763-190-5

Аннотация

Лев Михайлович Тарасов (1912–1974) – поэт, прозаик, художник, искусствовед, специалист по изобразительному искусству второй половины XIX в. Как сын белоэмигранта, с юных лет он оказался на периферии «нового общества», не вписавшись в него ни социально, ни эстетически. Воспитанный на классической литературе, соединяющий в своих стихах творческие принципы и символистов, и «будетлян», влюбленный в поэзию А. Блока и В. Хлебникова, несостоявшийся ученик Андрея Белого, Лев Тарасов создал собственный поэтический мир, оставшийся практически неизвестным читателю. Многолетний сотрудник Третьяковской Галереи а

затем – редактор издательства «Искусство», он оставил огромное творческое наследие: стихи, поэмы, прозу, дневники, рисунки. «Отрицательные линии» – первая попытка с достаточной полнотой представить поэтическую часть этого наследия.

Содержание

Стихотворения	16
1927	16
Влюблённая вода	16
1928	18
«Боже, жду твоего пришествия...»	18
1929	19
«Великолепнейшую оду...»	19
«На заре человеческих дум...»	19
Тетрадь со стихами	21
Русалка	21
Игра	28
Жёлтые цветы	33
«В моей комнате приятно...»	34
«Вечером опять явились тени...»	35
«Всё это было на том берегу...»	36
«Одни умирают спокойно...»	36
«Звёздным небом ходил любоваться...»	37
Смерть	38
«Вспоминаю себя иным, прошедшим...»	39
«Милый мой, я влюбился. Сегодня...»	40
«Сердце своё размельчу на части...»	41
Из разных мест	42
«Быть может, нас не существует...»	42

Эвиозэли	42
«Пляшут по стенам моим...»	44
Урна уныния	46
«Девушке с длинной косою...»	46
«Позабудь о себе, если пишешь стихи...»	47
Вечер	48
Сонет	49
«Я верю, отзвук лучших душ...»	50
1930	51
Подорожник	51
Город утром в мае	52
«Он пришёл изумительным странником...»	53
Оттепель	54
«Иногда обрывались струны...»	55
«Я соткан из противуречий...»	56
Видение поэта	57
«Май был в конце. Отцветали яблони...»	60
«На свет манящий издали...»	60
«Не вырвешься, цепки объятья...»	61
«Вновь луносинь...»	62
1931	64
Торжественная пустота	64
Вступление	64
Универмаг	65
Интеллекто	66
«Гул отдалённого топота...»	67

«Передвигают по столам тарелки...»	68
«Я проходил аллеями...»	69
«Посмотришь со стороны...»	69
«Большая горбатая жаба...»	70
«И бранных слов ты не услышишь...»	71
«Билося сердце...»	72
«Тебя любили до поры...»	73
«Висит невзрачная афиша...»	74
Трилогия	75
«Здесь как всегда...»	77
Письмо Булавиной	79
1932	84
Взлёты и будни	84
«Я забывал про пять в четыре...»	84
«Учись владеть противогазом...»	86
Противувоенное	88
«Солнца красный лучик...»	88
«Я жил в грязном квартале...»	89
«Я помню сны, знакомые виденья...»	91
Ночные тени	91
«Ведуны и ворожеи...»	91
«Неизвестный стережёт...»	92
...АУМ...	93
«Умиротворь, угомони...»	93
«Под окном ходил скелет...»	94
«Лик луны прозрачно ясен...»	95

«Где летавы, где метавы...»	96
Осеницы	97
Вступление	97
«Он вежливо руку целует...»	98
«Я хочу быть смазчиком...»	99
«Я подойду опустошённый...»	100
«Облетают листья...»	101
«Она сидела у болота...»	102
Умирери	103
Уныние	105
«Проходили дни, мы не жалели...»	105
«Как не жалеть о горестной утрате...»	106
«Мы раньше времени стареем...»	107
1933	109
Жить хорошо	109
«Переболей жестоким словом...»	109
«Наши окна настезь открыты...»	110
«В сумерки...»	111
Явление девы	113
Чужая жизнь	119
«Поэт пиши на бересте...»	119
Разговор в парке	121
«Весь мир юнел и полон гомоном...»	122
Лев-Вотон-Эней[2]	122
«Чего ты ждёшь? Ярмо жестоко...»	133
«Опять за мною по пятам...»	134

«Поэты живут, через годы...»	135
«Ему приятен был семит...»	136
1934	137
Восток	137
«Свобода приходит нагая...»	137
«Сегодня день прошёл в тревогах....»	139
Высокая дружба	140
Стихи ни о чём	148
«Как ноги устали, скорей бы прилечь, отдохнуть...»	148
«Она была лицом невзрачна...»	149
Стихи ни о чём	149
«Имя девушки для нас...»	152
Специалист	152
«Отмеченный высокой дружбой...»	153
«Куда как приятно весь день вспоминать...»	154
1935	156
Опыты	156
«Пусть это будет опытом...»	156
«Когда рисует память годы...»	156
Песня	157
«Юность моя бурным ничем не отмечена...»	160
«Иные заботы меня донимают, иные картины...»	160

«Те люди, с которыми близок...»	161
«Кому несус стихов погремущи?...»	161
«Весёлый, двадцатитрёхлетний шёл я песнями...»	162
«Я не знаю, где был на прошлой неделе...»	163
«Я хожу и записываю всё, что придёт в голову...»	163
«Я устал казаться любимым...»	165
Гоголь	165
«Весна затеплила цветок...»	166
В огне	167
«И Бога, рождённого прежде...»	169
Че чёрным	169
Пляска лешего	172
Мария	174
«Прославишь солнца ясный диск...»	175
«Я остался один у подъезда...»	176
«Ах, по осени то было...»	177
Мрамор	178
«Ы – благополучия прочёл на трамвайном билете...»	179
1936	180
Всё сказано другими	180
«О чём я могу сказать?...»	180
«Ию, нимфа прелестная...»	182

Танка	182
«Ты живая – я понял по трепету...»	183
«Лирическая Муза...»	183
«Утомила меня суета...»	184
«Ах, она больная, тонкую папироску...»	184
Отрывок	185
Памятник	186
«Приходил к нам юный Бог...»	187
«Виноградное вино...»	188
1937	190
На вернисаже Сурикова	190
Скука	191
Портрет приятеля	192
«От женщины стройной и тонкой...»	194
«Какой размеренной беседой...»	195
Утро	196
«Мне радостно виденье Бога...»	197
Андрей Белый	198
«Юноша, ломая руки...»	201
Стихи о Египте	201
«Преданья косного Востока...»	209
«И вот любовь моя...»	209
Осенние танки	210
«Осень настала...»	210
«Листок беру я...»	210
«Солнце любовью...»	210

«Я принёс цветы...»	211
«Думаешь легко...»	211
«Отцвели астры...»	212
«Ты вся, как цветок...»	212
«Если сделано...»	212
«Лишь одна звезда...»	213
«Пойти ли куда...»	213
«Снова дождь идёт...»	214
«С утра лёг иней...»	214
«Подобно вину...»	214
1938	216
Гадалка	216
Виргиния	217
Павел	219
«Давно перепутал я символы веры...»	220
«Когда готовится война...»	221
1939	222
Врубель	222
«Что не существенно, то пресущественно...»	223
Так вот, когда остался я один	226
Хлебников	227
Слово	228
«Как яблоня в сплошном цвету...»	229
Мертвец	230
«Мы одни остались в саду...»	236

«Душа изнемогла от скорби...»	236
Танка	237
«Белые голуби над маленьким домом...»	238
На полях книги В. Иванова «Cor Ardens»	238
«Видали как в клетке...»	239
Монолог Петрушки	244
Виланель	245
1940	247
«Порой четырёхстопный ямб...»	247
«Луна двурога...»	248
«Рождён поэтом...»	249
«Так повелось...»	249
Три путника	250
День траура	251
«Смерть пришла согреть поцелуем...»	253
Святой Сисиний	254
«В те дни, когда нас посетил Господь...»	257
«Каждое движение твоё...»	258
«Не ты ли Хлебникова звал...»	259
1941	260
«Я ношу тоской спелёнутую душу...»	260
«Ты Невеста моя и Жена...»	260
«Дни мои...вы обступили меня...»	261
«Ты звал меня, Господь, – я посетил твой храм...»	261
Рондо	262

Лев Михайлович Тарасов

Отрицательные линии

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),

Н. А. Богомолов (Россия),

И. Е. Будницкий (Россия),

Е. В. Витковский (Россия, председатель),

С. Гардзонио (Италия),

Г. Г. Глинка (США),

Т. М. Горяева (Россия),

А. Гришин (США),

О. А. Лекманов (Россия),

В. П. Нечаев (Россия),

В. А. Резвый (Россия),

А. Л. Соболев (Россия),

Р. Д. Тименчик (Израиль),

Л. М. Турчинский (Россия),

А. Б. Устинов (США),

Л. С. Флейшман (США)

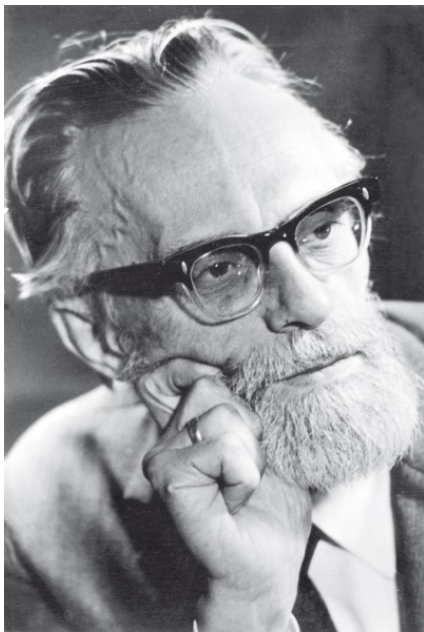
Составление и послесловие Ю.Л. Мининой (Тарасовой)

Под редакцией Ю.Л. Мининой (Тарасовой)

Составитель приносит искреннюю благодарность всем,

кто оказывал помощь в подготовке книги к публикации.

Отдельная благодарность работникам сектора документальных источников современного периода (1941– по настоящее время) – заведующей сектором Елене Васильевне Васяниной и старшему научному сотруднику Владимиру Леонидовичу Лаврентьеву ГБУК Музейного объединения «Музей Москвы».

Стихотворения

1927

Влюблённая вода

Вода одинока была,
Она никого не любила,
Но в будущем счастье ждала,
Да счастье её позабыло.
Хоть редко сердилась она,
Но были ужасными бури,
Моря поднимались со дна
И ветры холодные дули.
Подолгу сердилась Вода
И злобно и смело ревела,
Всю землю залить без труда,
Могла бы, когда захотела.
Но всё покоряет любовь,
В ней есть чудодейная сила,
Она в водянистую кровь,
Ей влагу кипящую влила.

Огонь полюбила Вода

И силой его восхищалась,
В объятья его без стыда
С безумною лаской кидалась.
У ног разливалась Вода
И ноги его целовала
И глаз не сводила с Огня
И, полная счастья, рыдала.
Огонь горячо полюбил
И с жаром любви отдавался
И вскоре навеки застыл.
Лишь уголь да пепел остался.
Над трупом рыдала Вода,
Текли её слёзы рекою,
О нём и теперь иногда
Она вспоминает порою.
Ужасной тоскою полна,
С невиданной силой бушует.
Моря поднимает со дна
И так о погибшем горюет.

1928

«Боже, жду твоего пришествия...»

Боже, жду твоего пришествия.
Только осень подёрнет лист
Большое весёлое шествие
Прибытие твоё возвестит.
На ослёнке ты въедешь в столицу,
Прокричу тебе «Осанну в вышних»,
На колени встану молиться
За обиженных и лишних...

1928

1929

«Великолепнейшую оду...»

Великолепнейшую оду
Хочу я в честь себя сложить.
Время идёт, а год от года
Довольно трудно отличить.
Ни в чём не видно различенья,
Но всё приносит огорченье...
И если вправду я поэт,
То должен я забыть тревогу,
Искать хорошую дорогу
Мне, наконец, семнадцать лет.

1929

«На заре человеческих дум...»

На заре человеческих дум
Увлекались ритмичностью звука
И его вырабатывал ум
Песнь, которой страшилася скука.
Заунывные крики людей

Все земные леса оглашали.
С этой песней качали детей
И на смерть стариков провожали.
Совершенство бедный язык,
Человек постепенно привык
Чтобы мысли его напевали.
Но не всякий умел передать
Своё чувство. В особенной песне,
А один из толпы, мог созвучья сковать.

1929

Тетрадь со стихами

Русалка (Баллада)

Радость моя, где ты?

1.

– Милый друг, тебя безумно жалко,
Ты совсем пропащий человек.
Разве может резвая русалка
Объявиться в наш двадцатый век.

На уме у каждого машины
В голове тяжёлый шум стоит.
И гудят и рвутся исполины
А земля и бьётся и дрожит.

Только ты отстал и не примкнёшься
К быстрому движению машин.
Жалок ты – и сам в себе замкнёшься,
Навсегда останешься один.

Милый друг, тебя безумно жалко,
Просто так жалею от души,
Что с тобою сделала русалка,
Расскажи, сейчас же расскажи?..

2.

В громком журчании
Чистой воды
Слышно страдание –
Признак беды.

Жалобы чьи-то,
Неведомый стон
Всё позабыто
Под рокотом волн...

Нету спасенья
И гибель близка
В близком веселье
Играет река.

3.

Её тело опускалось на дно,
Девушка погибла, затонула...

Водяной взглянул в жемчужное окно,
Девушка в окно взглянула...

Мёртвый взгляд её заметил водяной
И любовь зажглася в непутёвом,

Жизнь вернул и для неё одной
Всё отдал, считаясь с каждым словом.

Но жемчужные дворцы ничем
Ей земной лачуги не заменят

Не поймут её печаль – зачем?
А поймут, так вовсе не оценят...

4.

– Ты видишь и знаешь
Я очень богат

С землёй не сравняешь
Подводный наряд.
Зачем приуныла
Понять не могу,
Ну что позабыла
На том берегу?..

Как злючку такую
Я рассмешу
Давай зацелую,
Давай задушу...

5.

– Отпусти меня на землю посмотреть
Здесь мне душно, я боюсь умереть...

Вольный воздух солнечного дня
Может быть, обрадует меня...

Своё горе я откину прочь
Увидавши голубую ночь...

Я вдохну в себя веселье, из цветов
Наплету созвучие венков.

Отпусти меня, хочу одна побыть,
Как вернусь, начну смеяться и любить.

6.

Выплыла, глядит по сторонам.
Знакомые места, и жутко и тревожно...
Она плывёт к разросшимся кустам
Их, раздвигая осторожно.

И кто же перед ней – красавец молодой
Она окликнула, зовёт к себе поближе,
Он подошёл, нагнулся над водой
Она зовёт всё медленней и тише...

На берег вышла, мирный разговор
С ним повела. Ему в любви призналась,
Сказала, где была до этих пор
И что на дне речном осталось...

7.

– Пойдёшь ли мой милый на тёмное дно
Прекрасного много в речной глубине

Там всё водяным в мою власть отдано

И все под водой подчиняются мне.

Увидишь мой славный жемчужный дворец,
Увидишь моих ненаглядных подруг.

А пылкая страсть двух влюблённых сердец
Нигде не погибнет мой преданный друг.

Тебя окружу я заботой своей
И буду беречь твой пленительный смех,

Забудешь ты глупых и скучных людей
Среди бесконечных забав и потех...

8.

Он всё забыл. Он слушает и ждёт,
Вот кончатся пленительные сказки,
Он в действиях своих отчёта не даёт,
Его заморозили глазки.

Он спал в объятьях, о дивный миг,
Что с ней? Она никак не понимает
Ей воздух вреден, взгляд её поник,
Она с восторгом умирает.

9.

Это сильнейший удар,
Это ужаснейший случай,
Завял на руках милый дар.
(И ты себя больше не мучай)

.....

10.

Река без конца бушевала
Нарушился крепкий покой,
Безумное сердце страдало,
Страдал Водяной.
Он девушку ждал и с тоскою
Глядел в непонятную высь
Теперь он враждует с землёю
Земля – берегись!
– Отдай моё прежнее счастье!
Сердитые волны ревели.
Так было ужасно ненастье,
Что люди бледнели.

11.

– Милый друг, фантазия твоя
Превосходит всякие границы
И тебе рекомендую я
Позабыть все эти небылицы.
Ты очнись, ведь это глупый сон,
Ты живёшь, а вовсе не мечтаешь,
Погляди, как воздух жизнью полн,
Ты один весною отцветаешь.
Сам подумай, разве в этот век
Может быть какая-то Русалка,
Ты совсем, совсем пропащий человек,
И тебя мне бесконечно жалко.

1929 март

Игра (Баллада) Бред больного

1.

Я был болен. Яркий свет

Мне покою не давал.
Я лежал, почти не спал
У меня был сильный бред.

2.

Невозможные создания
Нарушают мирный сон.
Я кричу: – Подите вон!
До свиданья! До свиданья!

Понапрасну резкий крик.
Все на месте.
– В самом деле
Вы мне очень надоели.
Поднимается старик.

Борода его седая
По колено. Он горбат
И глаза его блестят,
Злобной яростью пугая.

– Не уйдём! – стучит ногой
– Не уйдём! – кричит с азартом,
Бьёт рукой по старым картам:
– Поиграем, дорогой!

Вынул карты, начинает
Остальных поближе звать.
Принимается сдавать,
Зубы скалит и чихает.

– Нету лучше козырей!
– Мне всего милее пики!
И глаза, что были дики,
Стали несколько светлей.

3.

– Ах, как мне надоело играть,
Всё-то время сдавать приходилось,
Ночь кончалась, и стало светать,
Голова у меня закружилась:

– Не могу, прекратите игру!
Мне на карты глядеть надоело.
– Хорошо, их сейчас соберу,
Кстати, там, на дворе, посветлело.

– Нам пора отдохнуть, дорогой,
Кто без сна обходиться умеет?
Где же карта? Нет карты одной,

Мы за нею придём, как стемнеет.

4.

И с тяжёлой головой
Я провёл несносный день,
Мне казалось, это лень
Изощряет разум свой.
Чтоб от многого отвлечь
Просто нужен крепкий сон,
Я болезнью утомлён
И решаю раньше лечь.

Снова тот же, прежний бред,
Кругом голова идёт,
Слышу крик: – Сейчас идём!
Слышу ласковый привет.

5.

– Не трудно такого, как ты обыграть
Мы каждую ночь будем в карты играть.

Но если случайно тебе повезёт
И в картах удача к тебе перейдёт

Покинем тебя, со своею игрой,
Партнёр, без сомненья, найдётся другой.

Тебя мы решили в конец доконать;
Мы снова явились, ты будешь сдавать.

6.

Злой старик с горящим взглядом
И огромной бородой
Как вчера садится рядом
И беседует со мной.

У него гнилые зубы,
Невозможно гадкий вид,
Он сидит, надувши губы,
В карты пристально глядит.

Все смеются, будто рады
Пораженью моему,
Скачут, пляшут злые гады,
Что бормочут не пойму.

Понемногу я плутую,
Карты ловко подмешал
И веду игру иную

Обыграл и задрожал...

7.

Они волчком завертелись, застонали
Карты схватили и плакали,
Старик как юла кружился, капали
Слёзы на пол,
вдруг с воем пропали.
В окно заглянул рассвет.
Я спокоен – их больше нет.
С той поры оставили меня
Невозможные созданья,
Им задорно крикнув: – До свиданья!
Поправляться начал я.

1929 апрель 6

Жёлтые цветы

У реки, в болотистых местах,
Жёлтые цветы пестрели,
Я глядел на них без всякой цели,
Думал только о цветах.

– Я достану их, достану непременно.
Вдруг припомнил:
– что за ерунда,
Их сорвать... да никогда,
– Жёлтые цветы – измена.

1929 май

«В моей комнате приятно...»

В моей комнате приятно
Отдыхать и заниматься,
Всё туманное понятно,
Так и хочется смеяться.

Мебель: стол стоит, три стула,
Мне диван кроватью служит.
Полку книгами согнуло
И она под ними тужит.

На стене портрет старинный –
Это будет дед покойный.
Взгляд его прямой и чинный,
Вид спокойный и довольный.

Лоб высокий, он мечтает,
В нем была большая сила
Он погиб, и внук не знает

Где есть дедова могила.

За столом сижу без дела
И возможно, что скучаю.
Всё то, всё мне надоело.
Слушать шорох начинаю –

Разговор поймать случилось,
То в окно с весёлым светом
Само солнышко явилось
Разговаривать с портретом.

1929 июнь

«Вечером опять явились тени...»

Вечером опять явились тени
И тревожили созвучьем слов,
Принесли большой букет сирени
И отрывки пламенных стихов.

Весело они кружились,
Был приятен их беззвучный смех,
Но когда малютки расшалились
Я, прикрикнув, напугал их всех.

Как они мгновенно разлетелись,
Как они смотрели на меня,

Маленькие громко разревелись,
Утешала их холодная луна.

1929

«Всё это было на том берегу...»

Всё это было на том берегу
Где в речонку впадают ключи.
Говорил неизвестный:
– Давно берегу
я чудесные эти ключи.

И, подаренный прадедом лук
Бросил в воду – живая черта
Промелькнула – и нет ни черта –
Чтоб заплакать он нюхает лук.

1929

«Одни умирают спокойно...» (Отрывок)

Одни умирают спокойно –
Лицо их бывает довольно
И радостен вид,

Другим умирать невозможно –
Они умирают тревожно,
Унося с собой горечь обид.

.....
.....

1929 август

«Звёздным небом ходил любоваться...»

Звёздным небом ходил любоваться
И срывать острожальную грусть,
Пессимизмом своим красоваться
Говорить безразличное: – Пусть.

Ждал от девушки мне не известной
Неизвестную ласку и смех,
Затевал разговор неуместный
И без злобы сердился на всех.

Хохотал над собой до упаду,
Хохотал, выбиваясь из сил,
Хохотал, укрывая досаду
И озлобленность в сердце носил.

Я не ждал рокового прихода,
Никого ожидать я не мог!..
Надо мною смеялась Свобода

И вела к Перепутью Дорог.

Обессиленный глупой судьбою,
Ничего я не мог обрести,
Утомлённый тяжёлой борьбою,
Я стремился от жизни уйти.

А теперь над собой издеваюсь,
Яд впитала моя голова.
По суровым дорогам скитаюсь
Золотые теряя слова...

1929 август 29

Смерть

Гибель своего «Я»
Предчувствуя –
отлетел!
Гибкая,
Яркая
Змея.
Я
не посмел –
– отвести взгляда
чувствуя близость яда.
Ты зачаровала,
Околдовала

Напугала –
мне легко и радостно стало.
Жало
Пылало
Было мало
того, что душа моя погибала,
Ты хохотала
и хохотала...
Была глубина
видна.
горела одна
луна.
Пролилась в небе жгучая синь,
Кто эту синь
сюда просил!
Всем простил,
оставил твердь
И радостно принял смерть...

1929 октябрь 2

«Вспоминаю себя иным, прошедшим...»

Вспоминаю себя иным, прошедшим,
В плащ завёрнутым, с лирой в руках,
Гимны поющим – отошедшим,
Погибшим в ожесточённых боях.

Врагам, угрожая местию,
Голос мой пел под рокотанье струн,
Я призывал умирать с честью,
И сердцем, и сам был юн...

Помню пред девушкой горделивой
На коленях стоял в пыли...
А затем на площади шумливой,
Как еретика меня сожгли...

Разве позабыть сырую темницу
Закованного себя, в железе цепей,
От того, что не знал, кому молиться,
Молитвенной душой своей.

Всё моё преступленье, что на заре дней
Я впервые почувал созвучья,
И звучу всё сильнее и больней,
За века отлетевшие мучаясь...

1929 октябрь 15

«Милый мой, я влюбился. Сегодня...»

Милый мой, я влюбился. Сегодня
Вновь вечернюю девушку жду.
Сверхъестественной силою поднят,
Обхватил голубую звезду.

Хорошо мне висеть на просторе,
Я теперь на виду, на виду.
И ведут обо мне разговоры...

.....

1929 октябрь 23

«Сердце своё размельчу на части...»

Сердце своё размельчу на части,
Каждую часть повешу на куст,
Одену плащ, и весёлое счастье
По простору лесному искать поплетусь.

Каждой девушке стану дарить улыбку,
Чтоб она расцвела на подобье цветка.
Я – туман голубой и зыбкий
Для неё над лесом соткал.

Появись долгожданная незнакомка,
Улыбнись, я тебя пойму
Лес, окутанный туманной каёмкой
Погрузится в вечернюю тьму.

1929 октябрь 27-29

Из разных мест

«Быть может, нас не существует...»

Быть может, нас не существует,
А только вечное пространство.
Да ветер, оголтелый дует
В оледененье странствуя.

Быть может редкие наши улыбки
Есть признак воображенья,
А мы являемся чужими, зыбкими
И мёртвыми от рожденья.

1929 июль 25

Эвиозли (Чаруйно-легковейная песня)

Песня без лишних слов
На каждый день и час
Горящая, как свеча
Прозрачная, как стекло.

Эвиоэли Лель лю
Лилиали люли,
Вельиля
Лю Алю
Ли в ле
Ле в ли...

Песня любви и нег
Песня тоски и зла
Откровением мне была
Явленная в полусне.

Эвиоэли Лель лю
Лилиали люли,
Вельиля
Лю Алю
Ли в ле
Ле в ли...

Кружится плавно звук
Прыгает в такт язык
Лёгкий чаруйный зык
Попурри из веселья и мук.

Эвиоэли Лель лю
Лилиали люли,
Вельиля
Лю Алю

Ли в ле
Ле в ли...

1929 август 28

«Пляшут по стенам моим...»

Пляшут по стенам моим
От лампы весёлые тени
Шалости свойственны им
Краше мечтательной лени.

Вот закивала одна
Будто моей головою,
Остановясь у окна,
Ночной занялась глубиною.

Сколько мигающих звёзд,
Сколько нелепых малюток.
Я протянусь во весь рост
Мир земной тесен и жуток.

Руки подняв, точно я,
Тень подобралась к книгам
Из своего бытия
Она уносилась мигом.

У тени есть новая тень

И также смеётся и плачет
А разобраться мне лень
Что двойственность странная значит.

Быть может и я не живу,
Являясь причудливой тенью,
И где-нибудь мифом слыву
В мифическом странном селенье.

1929 ноябрь 12

Урна уныния

«Девушке с длинной косою...»

Посвящается И.К.

Девушке с длинной косою
Я думаю сердце отдать.
Милая, – речь за тобою,
Долго ль я буду страдать?

Ты приходи на аллею,
Мне весело будет с тобой,
Я много болтать не умею –
И глупо болтать под луной.

Пойдём по скрипучей дорожке.
Тут снег, и следов ещё нет,
Пускай твои милые ножки
Оставят таинственный след.

Ты шею укутаешь мехом.
Зачем я не твой воротник?
Я к шейке с таким же успехом
И даже нежней бы приник.

Пусть будут слова твои грубы,
Пейзажу совсем не под стать,
Но стану я в самые губы
Подолгу тебя целовать.

Девушке с длинной косою
Я думаю сердце отдать.
Милая, – речь за тобою
Долго ль я буду страдать?

1929 январь 26

«Позабудь о себе, если пишешь стихи...»

Позабудь о себе, если пишешь стихи,
Не гоняйся за шумною славой,
Есть возможность – иди в пастухи,
Чтоб шептаться с травой кудрявой.

Будешь рано вставать по утрам
И сгонять на луга своё стадо,
Будет солнце к своим берегам
Пробираться – и солнцу спать надо,

Но заслышав твой звонкий рожок
Искромётные песенки-были,
Позабудет оно, пастушок,

Что часы его сна наступили.

Ты иди на зелёный простор,
Чтобы свежесть в себя почерпнуть,
Весь войди в луговой разговор,
Обо всём остальном – позабудь.

А тогда, как вернёшься домой,
Пой для города песни свои.
Здесь по клеткам сидят соловьи
И глядят за окошко с тоской.

1929 январь 26

Вечер

Вечер,
Веет
ветер...
Чуть жива
млеет
трава...
Тени
лежат.
Дрожат
колени...
И я,
затая

дыханье,
лелею
желанье
быть с нею

1929 февраль

Сонет

Себя не передать стихами,
Для передачи откровенья нет.
И борется с обильными словами
За новые слова поэт.

И вот нашёл тяжёлыми трудами
Завоевав блистательный расцвет,
Желает объясниться с нами
И услышать осмысленный ответ.

Свой труд, отдав толпе на осужденье
Потерпит неудачу, униженье,
Никем не понятый – умрет.

Но к истине прилежное стремленье,
Его прекрасное и пылкое горенье,
Народ со временем оценит и поймёт.

1929 апрель 24

«Я верю, отзвук лучших душ...»

Я верю, отзвук лучших душ
Храним в моей груди.
Я им родня. Я им не чужд
На жизненном пути.

От одного всю красоту,
Всю красочность речей
Я унесу в беспечность ту,
Мне предстоящих дней.

И скорбь другого и тоску,
Мысль, что один совсем –
Я вечно в сердце берегу
И мучаюсь тем.

Они мои учителя
Безумец – их люблю.
Люблю, как выдумать нельзя,
Как будущность свою.

1929 май 10

1930

Подорожник

Посвящается В. Будникову

Хорошо хоронить у дороги себя
Закопав где-нибудь у куста.
Хорошо голубые дороги любя
Подорожником после стоять.

Пусть вдали прогудят пробуждаясь гудки,
Пусть кипит и волнуется жизнь,
Подорожник живёт без красивых молитв,
С приближеньем обозов дрожит.

Пусть затопчут его, он опять оживёт
Опылённые листья подняв,
И не сломит его торжество непогод,
Обывателя в обществе трав.

И навек полюбив безначалье дорог,
В их пыли затеряется он.
Ожидая, что явится сгинувший Бог
В день невидных его похорон.

1930 январь 11

Город утром в мае (отрывок)

В жёлтой пыли
Автомобили
Плыли...
Лошади в мыле,
Лошади в пене,
Мечтали о сене,
Овсе –
И все
Торопящиеся прохожие
На лошадей были похожи.
Они
Мечтали
О пище,
О лучшем жилище,
О том,
Когда будут светлее
Дни
Потом...

1930 январь 12

«Он пришёл изумительным странником...»

Он пришёл изумительным странником
С готовым запасом слов.
И на всех наводил панику,
И со всеми был спорить готов.

Он народ собирал на площади,
Чтоб ему проповедовать ложь,
Больше всех понимали лошади,
Но людей увлечь не пришлось.

Раз, подняв свои руки к небу
Он почуял нелепость фраз,
Никогда таким жалким не был.
Моментально для всех погас.

Он пошёл, а над ним гремели,
Прежде вскинутые слова.
Кто-то крикнул: – Кого терпели!
Захлестнул его грозный вал.

И когда подоспела помощь
Труп растерзанный подняли ввысь.
– Убиенный – кричали – как вспомнишь

О преступниках, помолись.

1930 январь-июнь

Оттепель

Под окнами стиснут снег,
Подтаявший,
Грязным налётом одетый,
Ходит по улицам
Снежный человек,
Ходит, разговаривая с ветром.
Жутко.
Скрипит на поворотах трамвай,
Я за нуждой
До сортира вышел,
А снежная человечья голова
К трубе примостилась
На крыше,
Дремлет.
Зима холодна.
Не по нутру человеку.
– Какого ещё
Ей нужно
Рожна –
Пробует он мерекать
Я на крыльце постоял
Почесав затылок.

Да, сдуру,
С чего иначе,
Запустил снежком...
И даже смешно было,
Что человек плачет,
Поди ж ты – ему не легко.

1930 январь 24

«Иногда обрывались струны...»

Иногда обрывались струны
На моём дорогом инструменте
Забывал я свой возраст юный
И мечтал о присутствии смерти.

Свою гибель оплакивал часто
И за гробом шагал до могилы,
Принимал сам в себе участие,
Говорил:
– Дорогой, мой милый...

А когда на могильном камне
Я чертил прожитое имя,
Мои тени являлись там мне,
Я подолгу беседовал с ними.

1930 февраль 15

«Я соткан из противуречий...»

Я соткан из противуречий,
Потерянную нить ищу,
И на непонятом наречьи
На неразумных клеветую.

Чарунь души растёт в чаду том,
Черёмух дым иди дудешь,
Ивыль под ивами надута
Имух чаруе кое-где.

Какая свежесть в шестикае,
Стою ль, хожу ль – я снова Ваш.
И в облаках, строка стекая,
Стихами капает нежбажь.

Комуиду глаголишь лепо,
На лето камни вороча,
Коммуну строю в чёрном пепле
На искры пламенем меча.

Моих коммун, мои поэмы
Минутный бред моих баллад,
Иных видны ряды – и темы
Впотьмах иное говорят.

Молчи, чаруясь в безречьи
И то найди, что я ищу,
Чем на непонятом наречье
На неразумных клеветщу.

1930 март 23

Видение поэта

Посвящается Ф. Тяпкину

*В пещере Геликона
Я некогда рождён.*

А.С. Пушкин

В пещере Геликона
Я некогда рождён
Под звуки граммофона
И отдалённый гром.

Зевес на колеснице
Катался в небесах,
Напуганные птицы
Скрывались в лесах.

Родившемуся в Овне,

Шлю пламенный привет
Пусть каждый смертный помнит
К ним снизошёл поэт.

Покуда Парки ткали
Мне жизненную нить
Стемнело в затхлом зале
Ко сну стало клонить.

Явились сёстры Музы
И в тот вечерний час,
Надевши мне рейтузы
Втащили на Парнас.

Тогда ещё малютка,
Я стал читать стихи,
Поэтам стало жутко
– Стихи его плохи.

– Реальности в них мало,
А жизни – вовсе нет.
Лира его пропала,
Он сгубит инструмент.

– Балуется ребёнок.
Созвучьями шалит,
Но слух довольно тонок,
Хоть неказистый вид.

Спустив меня с Парнаса
Обратно в колыбель
Исчезли Музы, ясно –
Я отлетел в бесцель.

По утру пробудившись
С Химерами играл,
С Ехиднами сдружившись
Их нежно обнимал.

Склонила Афродита
Мой разум к красоте,
Амур в меня сердито
Спустил полсотни стрел.

Я Сфинксу объяснялся
В нахлынувшей любви,
И всем Олимпом клялся
– Я полубог, как вы...

Так рос в лесу поэтом,
Евтерпой вдохновлён.
Где ж делось детство это?
Ужель всё только сон?

Чудесное виденье –
Тебя я сберегу,
Чтоб расцвести сомненьем
На ЛЕФом берегу.

1930 апрель 11

«Май был в конце. Отцветали яблони...»

Май был в конце. Отцветали яблони.
Сладкий запах сирени окушивал сад.
На террасе, в свету керосиновых ламп, они
Говорили о том, как красив был закат.

Мирный чай их не был ничем нарушен,
Темы были бесцветны, скучны, легки.
С укоризной стрясала подпёртая груша
К ним на белую скатерть свои лепестки.

В полусне разошлись. Затерялись мгновенно.
Ветер нежился. Вечер был долог и тих.
Наше звёздное небо – есть часть вселенной,
Небольшая частица среди других.

1930 май

«На свет манящий издали...»

На свет манящий издали
Я шёл с закрытыми глазами

Мне ярким и опасным пламя
Казалось, и тело жгли
Лучи. Но холодом сознания
Я укротил их непомерный жар,
А потому величие стяжал
Когда дошёл к источнику сиянья.
Впервые в жизни я прозрел,
Увидя мир в особом свете,
И сам стал лучезарно светел
И в ярком пламене сгорел.

1930 сентябрь 4

«Не вырвешься, цепки объятья...»

Не вырвешься, цепки объятья,
Тобой искущённых много.
Тебя обнимают братья,
На землю сошедшего Бога.

Братьев его речи звонки,
Они о любви, о свободе.
Он кроток. Стоит в сторонке
Шум до него не доходит.

Чужд он, стремящимся ересь
Раскинуть для сплетен и толков,
Он вовсе не смыслит о вере,

Бог он сегодня и только.

Братья клеветуют, и ложью
Опутать стараются встречных
На волю ссылаясь божью
О средствах толкуют извечно.

Грабят упорно и верно,
Лишь он пребывает в сторонке.
Постится... постится, наверно,...
Недаром высокий и тонкий...

Недаром всё шепчут губы
Слова неизменно святые,
А братья и сыты и грубы,
Лживы из речи пустые.

1930 февраль— сентябрь

«Вновь луносинь...»
(Отрывок из поэмы «Некий Ни»)

Вновь луносинь,
вечеропевность,
Вновь бредоговор
шорохошумы
И позабыта

тревогодневность
И гнетотягост-
ные думы.
«Влюблённомрачный,
затворноскрытый
Молчальнобледный,
страстнохудой,
В думополётах
скорополитный
К тебе влекомый
иду с мольбой...
Полупрозрачна,
наивно скрытна,
Дорогодалью
пройдёт Она,
Тревоготайной
путь озарит нам
Глаз огневая
голубизна.
Нарядосменна,
как ежедневность
Немалосетуи
на взлётодум,
Здесь позабыта
тревогодневность
Здесь бредоговор,
шорохошум.

1931

Торжественная пустота

Вступление

Мы смотрим в небо –
Там
Трепещут звёзды.
Миры –
Наверное.
А дальше Пустота.
Но выше Пустота,
Щемящая до боли,
Сжимающая сердце,
Как тиски...

Но Пустота – привычная.
Больнее –
Предчувствовать
Опустошение
Внутри.
Мы не живём
Опустошённые, мы существуем

Не в силах
Вырваться,
Не в силах
Прогореть...

Всё теплится огонь
Свечи оплывшей,
Всё теплится
Таинственный огонь...
Ничтожные,
Мы гордо
Смотрим в небо.
Кляня
Тебя
Торжественная Пустота!..

1931

Универмаг

В универмаге выдавали лоскуты,
Носки, купальные костюмы, майки
И без толку толпились домхозяйки
И с толком, но для большей суеты.

Замучают в конец хвосты,
Забудешь голод в ожидании сайки,
Одно приятно, что не без утайки

За девушкой следишь и любишь ты.

В очередях неведомая прелесть,
Приятна вонь селёдок, яблок прелость,
Шум не приметен – ежели она,

Случайно подарит улыбкой
Толкнёт, иль скажет что-нибудь ошибкой,
Всецело очереди предана.

1931 январь 19

Интеллекто

Он проживал в убогой мансарде.
По грязной лестнице опускался вниз,
Где свет, качаясь на шнурке, повис
Между причудливо развешенных гардин
Он проживал в убогой мансарде,
Всеми оставленный, один на один.
Он чутко прислушивался к звукам снизу
Со всеми этажами скорбел и жил.

Вдруг марш похоронный – живым вызов –
Хоронят опившегося – ханжи...
Слёзы жены елейно-приторны,
Навзрыд причитает, скорбит она:
– Сколько раз говорила, не пей вина!..

Прошли. Ступени ногами просчитаны
Вновь на лестнице тишина.

Он вышел на улицу. Помойная яма
Бросилась прежде всего в глаза.
Собака унюхала что-то, упрямо
Копается в яме, раскапывает снег,
Мальш семенит, устал и озяб,
Ведёт его за руку седой человек...

Дорога утоптана ног толпами.
Взгляды беспомощней – ожидал чем...
Предчувствием мрачным шёл томим
По сгусткам крови и застывшей моче.
А когда, снова поднялся на свой этаж
Свет, засветив на чердаке,
Почуял, что нельзя быть Никем,
Корпеть и ждать в своём уголке,
Писать и твердить «Когда ж?»

.....
.....

1931 февраль

«Гул отдалённого топота...»

Гул отдалённого топота,
Жалобы истончённые,

Они погибают без ропота
Заранее обречённые.

Безгласно о прошлом рыдали,
Шествовали победно –
Они ничего не ждали,
Они исчезали бесследно.

– Ваше время в забвенье канет –
Послушайте меня, шагающие –
Вы последние могикане
Вымирающие...

Они ничего не слышат
Заглушенные гулом топота.
Идут и на ладан дышат
В пути помирая без ропота.

1931 март

«Передвигают по столам тарелки...»

Передвигают по столам тарелки.
Стук ложек. Чавканье. Неровный гул.
Плакаты драные. На дрянный стул
Валю пальто. На платье у соседки
Гляжу – затейливый узор приметив.
Уродства не сокроют тонкие отделки.

Я быстро ем, в лад темпам пятилетки
И ухожу, внимания не встретив.

1931 июнь 5-6

«Я проходил аллеями...»

Я проходил аллеями
Сумерки нависли
Казались лиходеями
Навязчивые мысли.

Топтал ногами травы,
Что были при дороге.
Корил дурные нравы,
Раздумывал о Боге.

Деревья шелестели,
Трепетали листики,
В никудышном теле —
Изобилие мистики.

1931 июнь 18

«Посмотришь со стороны...»

Посмотришь со стороны

Влюбишься необычно,
Друзья поражены,
Самому не привычно.
– Как можно без причин,
Без причин не понятно,
Но даже маленькая
Личин-
ка
и та
приятна.

1931 июль

«Большая горбатая жаба...»

Большая горбатая жаба
На камне сидела.

Травы шумели.
В речонке журчала вода.

На солнце темнело
И нежилось тело.

Весело было.
Пелось, как никогда.

Раздулася жаба,

Мух глотала.

Обмывало камень
Водой проточной...

Но ещё не мерещилось,
Не пугало

Кружево дней
С червоточиной...

1931 июль 26

«И бранных слов ты не услышишь...»

И бранных слов ты не услышишь
В минуты гнева и несчастья.
Но будешь подыматься выше
Высокомерного участия...

Со временем, считая годы,
Ты удивишь своих потомков,
Костюмом, вышедшим из моды,
И пребыванием в потёмках.

1931 июль 27

«Билося сердце...»

Билося сердце –
боем
За будущее
страх.
Мне оборвали
в трамвае
Пуговицы
на штанах.
Две девушки
засмеялись
Плакать они
не должны
Я выбежал
из трамвая
Поддерживая
штаны.
Нёсся
от остановки
Ветер в ушах
свистел,
А там,
где люднее
было
Я плёлся
в самом

хвосте.
В наше
кипучее время
Все говорят
о делах.
Сны бы мои
оборвали,
Чем пуговицы
на штанах.

1931 июль 28

«Тебя любили до поры...»

Тебя любили до поры
До времени, покуда
Не изнывали от жары
Весёлости и блуда.

Затем сама любила ты
Свои неверные мечты,
Плотские желания
Пустое прозябание...

1931 август

«Висит невзрачная афиша...»

Висит невзрачная афиша.
Я слышу хохот за стеной.
То собралися: дядя Миша,
Киномеханик и немой.

– Мы пьём... садися между нами,
Да подбодри себя винцом,
А закусить можешь грибами,
Либо солёным огурцом.

«Собачий вальс» на пианино
Киномеханик и немой
Играют в три руки. «Картина» –
Быть обещает трюковой.

И пляшет сторож... Я не знаю
Когда апатия нашла –
Я мир особый различаю
Из-за гранёного стекла.

1931 сентябрь 12

Трилогия

1.

– Вы слишком субъективны,
Молодой человек,
Мне ваши речи противны
Словно весенний снег.

–Но разве я прежде глумился,
Над теми, кто одинок.
Вместе со мной родился
И подрастает Бог.

–Готовится пышная встреча
На древний, библейский манер.
Будем мы с Богом весь вечер
В парке гулять, например.

– С ума вы сошли, вероятно.
Откуда подобная прыть?
– Знаете, ждать приятно!
И скептику – нечем крыть.

2.

Ты живёшь одиноко в саду,
Поливаешь из лейки цветы.
Я под вечер к тебе приду.
Как обрадован будешь ты.

И малиной меня угостишь
Сам повыберешь червяков.
Поглотит нас извечная тишь
Вместе будет смешно и легко.

На работе из дружеских слов
Примененье себе найду.
Вечера я с Тобою готов
Проводить в нашем райском саду.

1931 август

3.

Неизвестный стоит над душой
И твердит: – хорошо, хорошо...

Очень много неверных дорог.

По которой – придёт Господь Бог?

Неизвестно ни мне, ни тебе.

Пропадёшь ты в неравной борьбе,

Сам свернёшь по ошибке с пути,

Знать до сада тебе не дойти.

И досада стеснит твою грудь

И появится тайная жуть,

Пропадёт бестолковая прыть

И земное ты станешь любить.

Слишком мелкий пошёл народ

Он без веры спокойно живёт.

Не пора ли тебе отдохнуть?

Вряд ли правилен избранный путь.

Отдыхать, милый мой, хорошо...

Неизвестный стоит над душой.

1931 октябрь

«Здесь как всегда...»

Здесь как всегда

одно и то же
И мысль одна,
А вечерами
скука гложет,
Гибель – видна.

Всё те же тени
скрывают стены,
Всё та же темь
И впереди
нет перемены,
И новых тем.

Здесь не живёт,
а существует
Влачит свой век
Впрок тайно
мысли
маринует
Свободный человек.

Людей весёлых
избегает
Им смех забыт,
Давно не слышит
и не знает
Весь век молчит.

Повсюду чужд

и безучастен
Из года в год
Велению сердца
он подвластен
А сердце лжёт.

1931 декабрь

Письмо Булавиной (Из романа «Анатолий Заумный»)

С тобою вовсе нету сладу,
Я думала, что ты придёшь,
У нас собралась молодёжь,
Ты мог бы прочитать балладу
О неизвестном Двойнике.

Я записала в дневнике,
Что ты ленив и неподвижен,
Что некому тебя толкать.
Твоим привычкам потакать
Привыкли... Если ты обижен,
Я вычеркну свои слова.

Мне жаль. Такая голова
Должна пропасть. Иные люди
Связать не могут пару слов,
Но им оклад большой готов,

А что, скажи, с тобою будет,
Когда ты пишешь ерунду,
Я буду нынче откровенна.

Весь день в туманах и в бреду, –
Но ведь должна быть перемена.
Читай поболее газет,
Беги скорей на производство.
Какие видишь ты уродства,
Когда тебя в работе нет?

Ты в уголке своём забился,
Читаешь древние тома,
Твой ум туманами затмился,
Всё твоё горе – от ума,
Вокруг тебя кипит работа,
Ужель строительству страны

Тебе петь гимны неохота?
Ужели темпы не видны?
Как о героях пятилетки
Не написать огромный труд?
Тебе газетные заметки
Обильный матерьял дадут.

Я новое пальто купила,
Дешёвое. По ордерам
У нас давали.
Получила

Письмо от Клугмана и там
Тебе поклон. На Днепрогэсе
Он трудовую жизнь ведёт,
От героических работ
И сам становится героем,
Самодоволен и счастлив
Он прославляет коллектив.

Сейчас Панфёрова читаю,
Есть много мест занятных там,
Я, между прочим, по «Брускам»
Деревню нашу изучаю.
С подобным мнением, согласен
Тебе известный, Лебеда
И остальная лабуда.
Роман по форме безобразен,
Довольно неуклюжий слог,
Однако, бедность не порок.

В четверг я снова жду тебя.
Тащи стихи. Покритикуем.
О Маяковском потолкуем,
Что революцию трубя,
Вдруг потерпел фиаско с бытом.
И сильный оказался слаб,
Хотя и был зачислен в РАПП
Пролетписателем маститым.

Бранит Бузуев смерть его

И хвалит пьяный. Врёт порою.
Интересуется тобою.
Он в общем парень ничего.
Специалист по анекдотам,
Тебя развеселит в момент,
Сейчас он ГИЖевский студент
И журналист. Его работам
Литературным грош цена,
Зато тематика видна.

Я жду тебя. Не будь рассеян,
Попробуй записать в блокнот:
«В четверг у Нины. Нина ждёт».
И слову своему будь верен.

Я видела тебя во сне.
Ты был измучен. Сильно болен.
Вдобавок мною недоволен.
Всё утро грустно было мне.
Ты причиняешь беспокойство,
Вот почему спокоен сам.
Терзаться день по пустякам
Довольно пагубное свойство.

Я помню шелесты аллея,
Прогулки наши вечерами,
Когда нам было веселей
Играть условными словами,
Но годы горечи несут,

Яснее более сознание,
Терзает более уют.
Итак, до скорого свиданья!
Нина.

1932

1932

Взлёты и будни

«Я забывал про пять в четыре...»

Я забывал про пять в четыре¹
Теперь торжественно удвоенном.
Я забывал, что кризис в мире
И нужно быть за волю воином.
Когда война подготавливается
Не жди от сильного потачки,
Я забывал, что жизнь меняется
И близок день всемирной стачки.

Мне снились часто переходы
Где своды тёмные нависли,
Где нет надежды и свободы,
Где в кабале погибнут мысли.
Была расправа с остальными,
Не раз победно пуля пела,
Гремя оковами стальными
Она в тюрьме обезумела.

¹ Пятилетку в четыре года (*лозунг*).

Её пытали ежечасно,
Нагую били как попало
Железом жгли – и всё напрасно.
Её упорство не пропало,
Всех палачей с ума сводила,
Они удваивали пытки
Их угнетала воли сила,
В ней заключённая в избытке.

Комок кровавый был прекрасен,
По каплям кровь из ран стекала,
Труд палачей бывал напрасен.
Она вины своей не знала.
В её глазах являлся ужас
У палачей серели лица –
И после пыток снова стужа,
Всё те же цепи и темница.

Сбегались крысы, как обычно,
Делили хлеб, лакали воду –
Она смотрела непривычно,
Как будто крыс не знала сроду.
Гремели цепи. Ныли раны.
Казалась правда наказаньем –
И были крысы постоянно
Ей роковым напоминаньем.
Уже давно изнемогая,
Она погибнуть не хотела.
Себя на гибель обрекая,

Любила мучимое тело.
Ей были святы остальные,
Кто дал ей первые уроки –
Они покончили земные
Судьбой означенные сроки.
Не забываем час расстрела,
Когда у ям они стояли –
Мишень живая – для прицела
Людей – которым приказали.
И только молодость спасает,
Она предвестница свободы,
Когда закованный считает
Воображаемые годы.
Я не могу...слабеют силы...
Ужели в чём...я виновата...
Спаси из каменной могилы
Где мы встречались когда-то.
Я слушал речи пламенья,
Мне сны всего дороже в мире
И никогда не сожалел
Я забывал про пять в четыре.

1932 январь

«Учись владеть противогазом...»

Учись владеть противогазом.
Близка всемирная война,

Не отпечатанным приказом
Тебе со стен грозит она.

Уж над кровавыми полями
Восходит пламенное солнце
Карать бунтующий Китай,
Победоносные японцы,
Грозят упорными боями,
Кричат пронзительно: – «Бонзай».

Бери винтовку! Надоела
Разоружительная ложь
Всемирная война назрела
И ждать начала невтерпёж.

Пусть угнетённые успели
Себя склонить для мятежа;
Крича о новом переделе
И о войне для грабежа.

А если бестолочь видна,
Сомнения покончи разом,
Когда со стен грозит война
Не отпечатанным приказом.

1932 февраль

Противувоенное

Амамеу гарку:
– Эрихон
Тирибули
ибикнули журабель.
Ий громаздо
ниппо токухон
Ау хино
индо сверибель.
– Мирипуси!
Хау дзицу бай
Бау бум
и драхма
дыр
бур
згар!

1932

«Солнца красный лучик...»

Солнца красный лучик
Заглянул в окно.
Дня такого тёплого
Не было давно.

Вижу ребяташки
Возятся в снегу,
Я сидеть за книгами,
Больше не могу.

Выбегу на улицу,
Радуюсь весне –
Солнца красный лучик
Улыбнулся мне.

1932 апрель

«Я жил в грязном квартале...»

Я жил в грязном квартале
И в обыденном доме
Где ютилось много
Недовольных людей.

Мне привычен был ропот,
Брань и вечные слёзы,
Пьяный смех и глумленье
Над своей нищетой.

Занавесками чёрными
Занавесками плотными
Я завесил все окна

И бежал от людей.

Я слагал для них песни
Непокорные, злобные,
В них людей поучал я
Ненавидеть людей.

Там мне было виденье
Пустоты всеобъемлющей
И понятно безумие
Обречённых людей.

Я поверил в творимое
Я поверил в грядущее,
Но не вышел на улицу
О конце возвестить.

Это было весною,
Когда ждут обновления,
Когда жаждут свободы
И безумной любви.

В этом грязном квартале
И в обыденном доме,
Бесполезными были бы
Откровенья мои.

1932 апрель?

«Я помню сны, знакомые виденья...»

Я помню сны, знакомые виденья
Так явственно встают передо мной,
Как будто, сны на миг переселенье
В мир незнакомый, но родной.

Я просыпаюсь, о прошедшем сожалея,
Весь день хожу с больною головой,
И в снах моих, теряясь и бледнея,
Меняет жизнь свой облик бредовой.

1932

Ночные тени

«Ведуны и ворожеи...»

Ведуны и ворожеи,
Скаля зубы, морща лица,
Выползали на аллеи
Хохотать и веселиться.
Там судьбы читая книги,
По складам, как на ликбезе,
Восклицали:

– Все в изгибе
Лиц и масок! – Не любезен
Свет очам моим унылым.
Я давно уже не тот.
По мифическим могилам
Тени водят хоровод.

1932 июль 10

«Неизвестный стережёт...»

П.Г.

Неизвестный стережёт,
Мы поднимем к небу руки,
Наша память сбережёт
Горечь длительной разлуки.

– Возликуем! – говорит –
Буди это место свято!
Сердце бедное скорбит,
Я любил его когда-то.

Он, как брат, ко мне войдёт.
Мы разъяты. Мы далёко.
Неизвестный стережёт,
Жданный явится до срока.

1932 июль 10

...АУМ...

Клочок плаката.

Надпись: ...АУМ...

Явилось нечто и живёт.

– Я нежно льну

к зелёным травам –

Весёлый АУМ –

мне поёт.

Вот он запрыгал по заборам,

Дорогу мне перебежал,

И мелкий смех его дрожал:

– Займёмся

умным

разговором...

– Какой ты, АУМ, озорной.

– Не может быть!

Я просто прыток!

А сам кривлялся за спиной

И хлопал сотнями калиток.

1932 июль 10

«Умиротворь, угомони...»

Умиротворь, угомони.
Не заставляй страдать напрасно
Зажги вечерние огни
На небе тёмном безучастно.

Навряд ли будем мы вдвоём,
После дождя свежо и сыро;
В уединении своём
Она читает Велимира.

Я одинок в лесной глуши,
Я в отпуску, я вечно ною,
Мои стихи нехороши
И скучно смертному со мною.

1932 июль 13

«Под окном ходил скелет...»

Под окном ходил скелет
И руками костяными
Бил в звенящее стекло.

За умершими вослед
Нас дорогами ночными
Вдаль безудержно влекло.

Шли мы, головы склонив,

Впереди маячил свет.
Длинный саван распустив
Безобразничал скелет.

Он рычал, как можно строже,
Щёлкал челюстью, стучал.
За руки хватал прохожих,
Палкой бил и обличал.

– Нам унынье не к лицу,
Ай, жги, припевай!
Никогда не забывай –
Все пути ведут к концу!

И когда на рассвете
Исчезал худой скелет,
Мы плакали, как дети,
Что нам рассвета нет.

1932 июль

«Лик луны прозрачно ясен...»

Лик луны прозрачно ясен,
Сад певучий свеж и светел.
Мы читали. На террасе
Было тихо.
Веял ветер.

Позабыв о бурных сдвигах
Мы любили то, что было...
Нас пленяла в старых книгах
Нам неведомая сила.

1932 июль 17

«Где летаваы, где метаваы...»

Где летаваы, где метаваы,
Где нетаваы, угнетаваы? –
Все исчезли, все укрылись
Прочь от гнева моего.

Ну и что ж! Туда дорога
И летавам, и метавам,
И нетавам, и хватавам,
И цветавам и пенавам
Угнетавам и чертавам...
Лишь бы людям веселее
Без ночных теней жилось!

1932 июль

Осеницы

Вступление

Давно это было,
Бесследно изгладили годы
Память о днях пережитых.
И только во сне
Тревожат порою
Знакомые тени.
Рисуется смутный
Таинственный образ.
В огненно-красном
Пылающем платье,
Меня навещает
Она...

Пытливо глядит
В продолжении ночи
В глаза мне...
И снова
Я болен,
Как в прошлые годы.
Желанием странным
Любить и страдать
Опять.

Воскресают
Давно позабытые сказки,
Слагается медленно
Повесть
О днях,
Моей маленькой жизни.
Печальная повесть,
Которой не будет
Конца...

1932

«Он вежливо руку целует...»

Он вежливо руку целует,
И вечность проходит мимо.
Вы любите? – Очень немного,
Какая теперь любовь!

Я помню? – В былые годы
И женщины были другие,
И нравы, и мысли, и моды,
И мы – не то, что теперь.

Вы любите? – Очень немного.
Я занят спешной работой.
Но с вашим приходом, поверьте,
Я кончил свои дела.

Пойдёмте бродить по аллеям,
Где прежде ночные тени
Водили свои хороводы
И пляской дразнили меня.

Он вежливо руку целует.
Она исчезает в тумане,
Бледнеют её очертанья,
Едва долетают слова.

Вы любите? – Очень немного.
Я занят спешной работой.
Но вас легендарная Анна,
Мне больно, мне страшно любить.

1932 август-сентябрь

«Я хочу быть смазчиком...»

Я хочу быть смазчиком.
Ближе к машине.
Руки в масле,
И сам весел.
Говорят:
– Чужое влияние.
Беседы за вечерним чаем.
– Бледная немочь.

– Желанье выбиться.

Пусть каждый говорит своё –
Мне дорого производство,
Индустриальные шумы
И карьера смазчика.

Когда говорят любимой:
– Милая,
вы мне нравитесь!..
Не то же ли чувство у смазчика
По отношению
К машине.

Пусть он ходит с маслёнкой
И шепчет нежно:
– Машина!..
Все люди смертны.
Никто не уйдёт от судьбы.

1932 август

«Я подойду опустошённый...»

Я подойду опустошённый,
Сражённый дерзостью речей.
– Кто этот юноша зелёный,
В тебя, прекрасная, влюблённый? –

Спокойно спросит Мать ночей.

Моя Невеста символ ночи,
Она особенно стара,
И светятся пустые очи
Печальным отблеском костра.

Гадает Мать её с азартом
О женихах для дочерей,
Читает жизнь мою по картам,
Кивает дочери своей.

Кружатся с плачем осеницы,
Я слышу взмахи тяжких крыл,
Сию у собственной гробницы
И урну с пеплом приоткрыл.

1932 сентябрь 17

«Облетают листья...»

Облетают листья.
Сад опустошён.
Ветер гонит тучи.
Мрачен небосклон.
Ходят осеницы
в резиновых плащах,
Им дожди приятны.

Холод не опасен.
Мир нематериальный
близок и прекрасен.
Говорят в полголоса
о людях и вещах.

– Как это удивительно,
Всё в жизни относительно,
Нас не существует,
А мы себе
Живём...

Ходят осеницы
Под проливным дождём.

1932 сентябрь 29

«Она сидела у болота...»

Она сидела у болота,
Её блестела чешуя.
Осенних листьев позолота
Пустая выдумка моя.

Но осязаемы туманы,
Привычна ржавчина лесов,
Забыты шумные поляны,
Не слышно бодрых голосов.

Полнеба тучами сокрыто,
Вода становится темней,
И роют тени деловито
Свои берлоги меж корней.

Одна Купава у болота
Чего-то ждёт и смотрит вдаль,
Где опадает позолота,
Так велика её печаль.

1932 сентябрь-октябрь

Умирери

И опять приходил Умирери
Ударять в голубой барабан.
Отворялись небесные двери
Мертвецы покидали гроба.
Был он страшен
— и в ужасе
люди
Повторяли за ним на распев,
То легенду о близком чуде,
То нелепый и дерзкий напев.
Там сновали мёртвые вместе
На живых совсем не глядя
И мечтали о сладкой мести

Костями плеч поводя.

Умирери

нашей общей

печали

Жгучей скорбью

крепче

целуй его!

Ты впервые видишь,

как туманятся

дали –

И не знаешь сам

отчего...

У каждого

скорбь подкатит

комом,

Горло сведут спазмы.

Будешь несмело кивать знакомым

Всегда безучастным и праздным.

Траура чёрная плит кайма,

Креп и толпа...

Томит тоска.

Громадами тяжкими виснут дома

И каждая тягостна вывеска.

Знаешь, что близок кончины час,

Но бьёшься рыбой об лёд.

Идёт Умирери...

Быть может, сейчас

Он ждёт тебя у ворот.

Выйдешь, закрыв беспечно двери,
Чтобы более не войти
И уведёт тебя Умирери
В Млечные пути...

1932 ноябрь 15-17

Уныние

«Проходили дни, мы не жалели...»

Проходили дни, мы не жалели
Ни забав, ни радостей, ни встреч.
Мы душой послушно умирали,
Мы боялись лучшее беречь.

Забывали древние заветы,
Наших предков мудрые слова.
Расторгали данные обеты,
Потеряв на будущность права.

Уж никто не думал о свободе,
Даже мыслей смутных не имел,
Говорил с соседом о погоде,
За пасьянсом вечером сидел.

И не ждал утраченного сна,

Ибо горести ничтожны и легки,
Если гордо на развалинах былого
Молодая жизнь раскинула ростки.

1933

«Как не жалеть о горестной утрате...»

Как не жалеть о горестной утрате,
Как о поруганной святыне не скорбеть,
Как не слышать упрёков и проклятий,
Когда повсюду бродит смерть.

Она следит за нами тусклым взглядом,
И каждый чувствует
косы тяжёлый взмах.

Уж близких нет.
Уж кто-то плачет рядом
О матери,
о братьях,
о друзьях...
Голодные,
разутые,
больные —
Они не в силах прошлого забыть.
Они клянут дела свои земные,
Они устали мёртвых хоронить.

Обречены на смерть,
лишённые участия –
Постыдно лгут.
Один удел:
терпеть!
Ужели вечно так?
Туманы и ненастья,
Тупая боль
и медленная
смерть...

1933

«Мы раньше времени стареем...»

Ф. Тяпкину

Мы раньше времени стареем,
Всю жизнь возмездие несём,
Вверяем души лиходеям,
Судьбе послушные во всём.

На кратковременные встречи
Мы тратим лучшие года,
И наши дружеские речи
Не повторятся никогда.

Пусть тяжелы для нас утраты,

Мы терпеливо гнёт снесём,
И встретим близкий час расплаты,
Судьбе послушные во всём.

1932 декабрь 21

1933

Жить хорошо

«Переболей жестоким словом...»

Переболей жестоким словом,
Покройся струпьями и ранами,
Так хорошо болеть о новом
И шелушиться покаянными
Обрывками ума и кожи.

Рабочие смеялись тоже,
Стряхая с пиджака налёты
Фабричной пыли, хлопка, ниток.
Они, спеша домой с работы,
Выносят радости избыток.

И, пусть, пока в бараках тесно,
Не изжиты вино и мат,
Им только светлое известно,
Они судьбу свою творят.

Да будет эта сила стражем

В веках прославленной страны.
Мы с нею крепко жизни свяжем,
И мы принять её должны.

Вот и теперь у многих светится
Сознание в подвиги свершенья,
И жизнь веленьем твёрдым метится
Без промедленья и смягченья.

Переболей и будет краше
Ходить по улицам шумящим,
И будет сердце биться наше
Одним лишь только настоящим.

1932 декабрь 15

«Наши окна настежь открыты...»

Наши окна настежь открыты,
Ветер веет, бумагой шурша.
Если прошлые песни забыты,
Их напев повторяет душа.

Мы утратили сладкое счастье
И впадаем теперь в забытьё,
Тяжело нам чужое участие,
Позабывшим паренье своё.

Словно сердцу заботы немного?
Словно в радости тянутся дни?
Ведь следит неустанно тревога,
Чтобы мы не остались одни.

Нам минуты больного раздумья
Не дают успокоиться сном.

Слышу листьев таинственный шум я
У себя за раскрытым окном.

В этом шуме сокрыты намёки,
Их легко понимает душа.
Пусть от жизни мы будем далёки,
Жизнь для всех и равно хороша.

1933 май 23

«В сумерки...»

В сумерки
красные умерки
в свой лепет
вплетают
трепет.
Шорохи в парке
слышнее.
Старые Парки

смешнее
дряхлыми шепчут
губами,
склоняясь над своими
станками.

Ширится сердце
от песен,
обычный приют
ему тесен.

Бродит в кустах
Улада.

Тихая веет
прохлада.

Если
с аллеи свернуть,
выйдешь
на Млечный путь,
следить
за движеньем планет,
мечтать
о прекрасной Данет.

1933 май-июнь

Явление девы

1.

По тёплым лужам босиком
Она гуляла вечерком,
Своей невинностью прельщала
И многим счастье обещала.
Собой воздушна и легка,
Поймала майского жука,
Шутя в ладонь его зажала
И, как невольника, держала.
Изнемогая от бессилья,
Жук распустил лениво крылья.
Ей непокорство было мило,
Она жука летать пустила.
Сияла влажная луна,
В её лучи погружена,
Смеялась весело она.
Одежды лёгкие в пыли
К земле пришелицу влекли.
Она давно взлететь хотела
И трепетало её тело,
Как будто, брошено в простор
Вослед жуку, что мерил дали,

Что крылья в воздухе простёр,
Которые его держали.
Топтались тени по цветам.
Всё сказкою казалось там.
И были нежными напевы
Во славу неизвестной Девы,
Что летним, знойным вечером
Гуляла в парке босиком.

2.

Я помню ночью это было,
Она мне сердце отравила
Участьем нежным. В парке холод,
Но я согрет и духом молод.
– Ужели я влюблён – твержу,
Сырой туман в тоске глотая.
Ночных теней поднялась стая,
За их полётом я слежу.
Там под луною ликование,
Сошла она в луче луны.
Спешит на близкое свиданье
Продлить пленительные сны.
У сердца маленькие жалобы,
Оно отравлено тоской,
Всегда любить оно желало бы,

Навек утративши покой.
Вослед за ней спешить могу ли
Теней весёлый топот слыша?
Туман сырел. И ветры дули,
Кусты цветущие колыша.
– Иди сюда – сказала Дева.
И понял я слова привета.
Смеялись справа, смеялись слева
Ночные тени, скрываясь где-то.
Я помню – ночью это было,
Она сказала: – Я не забыла...
В луче качалась, в лицо смеялась,
А время мчалось, поспешно мчалось.

3.

Девы с Юношами в парке
Пляшут весело под липами,
Дико смотрят перестарки,
Вторя их веселью хрипами.
Юный, быстро между парами
Совершает круг намеченный,
Всех удерживает чарами,
Улыбаясь Деве встреченной.
Она идёт к нему кокетливо,
С одежды пыль лесов снимая,

И говорит ему приветливо:
– К тебе стремилась сама я.
Мой путь к земле в лучах светил,
Хочу, чтоб ты мне путь светил.
Я память ваших предков чту,
На то особый день быть может.
Желаешь, я тебе прочту
По звёздной книге, что тревожит
Людей с младенческих годов.
И он ответил: – Я готов!
Стучали Юноши ногами,
Подняв с дорожек пыль столбом.
– О, как давно я бредил Вами,
Что ж, говорите о любом...
Раз, горесть радости почую,
Всё непременно знать хочу я...
Она молчит. Не одолеть
Того, что властно тяготееет.
Уж он спросить её не смеет,
Она сама сказала: – Смерть!..

4.

Я не могу найти покоя,
Руками сердце зажимая,
Давно не знаю: что такое?

И прочь бегу, не понимая.
Но в беге длительном устав,
Придётся где-нибудь свалиться.
Мягка постель зелёных трав,
И хорошо на воле спится.
Деревья шелестят ветвями,
Докучных мошек отгоняя.
Туманы стелятся, местами
Росу прозрачную роняя.
Там гам лесной и запах смол
Распространяет старый ствол.
Очнулся я... Шалаш из веток
Рукой заботливой сплетён.
– Я берегла твой хрупкий сон –
Сказала Дева – Напоследок
Мне стало ясно, будет буря.
И замолчала, брови хмурия.
Мне было радостно поверить
Её словам. Я засмеялся
– Как правду слов твоих измерить?
И кто одежд твоих касался?
К тебе одной стремлюсь всегда я,
Хочу любить тебя страдая!
Едва коснулся милых рук
И радость милую заметил,
Она исчезла в лунном свете.
Но сердца учащённый стук,
И ветви, сорванные ею,
Я отрицать никак не смею.

5.

Поднялся Юноша, вздыхая,
И прочь пошёл лесной тропею.
Уж ночь бледнела, затухая,
Теней сгоняя к водопою.
И в воду сонного пруда
Упала крупная звезда.
Глядит: на пне корявом Дева,
Сидит тихонько напевая,
И отзвук нежного напева
Звучит, унынье нагоняя.
Ей, в равнодушие высоком,
Свои ночные чары дея,
Луна мигает тусклым оком,
Прочь отвести его несмея.
– Теперь я точно знаю, где Вы –
Сказал он, сев на кочку рядом.
Рукой коснувшись платья Девы,
Её смутил нескромным взглядом.
Она печальна и тиха,
Ему в ответ не улыбнулась,
И лишь при крике петуха,
Покорно в сторону метнулась.
Подумав, Юноша заметил:

– Предупреждает духов петел,
Он скоро снова будет петь.
Пора бы вам поторопиться!..
– Я не могу никак взлететь –
В слезах ответила девица.
И руки в ужасе ломая,
Поднялась, как лоза прямая.
Печально созерцая высь,
Свои творила заклинанья,
Но тени мимо пронеслись,
Её оставив без вниманья.
– Теперь я знаю, где остаться,
Мне на земле готово место.
С тобой должны мы сочетаться,
Я буду смертного невеста!..

1933 март

Чужая жизнь

«Поэт пиши на бересте...»

Поэт пиши на бересте
Пахучим соком земляники,
Но птицам не мешай свистеть,
У них особые языки.
Тебе блестящий дан удел

Угадывать стремленья века,
Зачем же ты очки надел
И в них не видишь человека?
Ужели солнце обожгло
Глаза, пылавшие прозреньем?
Или причиной ремесло,
Тебя обидевшее зреньем?
Премудрость книжную познав,
Ты превратился в эрудита,
И созерцанье свежих трав
Тобой навеки позабыто.
Цветы спешат благоухать,
Приспело время опыленья,
А ты способен тоже дать
В твои минуты вдохновенья?
Тебе покоя не даёт
Закон числа, закон утраты,
И ты не видишь, как народ
Тебя спасает в час расплаты.
Поэтов повелось беречь,
Когда живут они в прозорах,
Когда их взбалмошная речь
Воспламеняет словно порох.
Они способны начертать
Иглой терновника поэмы.
И нам без усталы читать,
Лишь попадись наедине мы.

Разговор в парке

– Скажите, правда вы с луны,
И до сих пор не влюблены?

– Я родину давно покинула –
(И на плечи платок накинула) –
Мне в парке холодно и вязко,
Но духов согревает пляска.
Для них заманчиво болото
И вялых листьев позолота.
Мы будем прыгать на лугу.
Смотрите, как я побегу.

Живее хлопайте в ладоши.
Да бросьте там искать калоши,
На что нужна вам эта мразь.
А, ну, скорей, за мною, в грязь!
Я потому и хохочу,
Что видеть бодрым вас хочу!

– Давно я думаю, не смог ли?..

– Да вы, наверное, промокли.
И для чего в такую стужу
Вас угораздило сесть в лужу?
Вы неуклюжи, как медведь.

Нужно под ноги глядеть.

– Ах, извините, ныне я
Вяну от уныния...

1933 октябрь

«Весь мир юнел и полон гомоном...»

Весь мир юнел и полон гомоном,
Парк зеленел и рос побегами.
Я показался тебе прикованным
К пути, скрипевшему телегами.

Мне нужно было выси мерить,
Я бредил шорохами мая,
А потому не мог поверить,
Что ты красивая и прямая.

1933 май-сентябрь

Лев-Вотон-Эней²

Было протянуто
через

² В первом варианте – Анатолий Заумный. Позже «Анатолий» заменён на «Лев».

Я – моё
бренное тело
любимого.

Рыдая
о днях погребения,
мы сидели
над чёрной ямой
нашего горя
земного.

Мы делили
одежды его,
разрывая
на мелкие
части.

Нас тени
манили
изведать
запретные
радости
жизни.

Мозг
возгорал
прозрением –
Грядущего
Распада.

В стране
Высокого Домысла,
в дни ожиданья
победы,
мы ликовали
оба.

Вотон
ловил
мотыльков
легкокрылых.

Единое слово моё
вызвало к жизни
духов.

От дуновения,
в облаке пара
вырос
Вотон
Разящий...

Жёлтая кровь
Дракона
заключена
в его жилах.
Сердце его
лежит

к Востоку.

Наша страна
перепутье.
Быть ей полем
кровавой битвы.

Все мы носим
в груди
тень
желтолицего брата.
Нас равно тяготят
и Восток,
и Запад.

Пойте
победные гимны!
Бейте
в голубые барабаны!
Зовите,
Ангела Смерти!

Он идёт,
неся мор
и голод,
через моря
и выси
гор...

В облаках
видели
окровавленные руки,
слышали
голоса
праведных.

Рыдали
жены и дети,
глядя
как нагие
корчатся
в муках.

У меня
на руках
покойлось
тело
убитого
Друга.

Пиром
во время чумы
прогрохотала
телега
гружёная
трупами.

Вотон

хохотал,
проворно
мотылькам
обрывая
крылья —

Сегодня
он был
победителем.

Где-то там
кричали:
— Банзай!
пронзительно,
и плавно
качалось солнце
на знамёнах
жёлтых.

Наклонившись
к лицу
убитого,
я постиг,
что с ним
исчезали
все лучшие помыслы
моей маленькой
жизни.

И крикнул я
чёрного ворона,
что клевал
глаза
трупов.

Покорный
зову живых,
он слетел
ко мне
на плечо.

– Принеси
живой воды.
Погиб Эней
Светозарный,
с ним культура
и радость
жизни.

Ворон поднялся,
шумя крылами,
его пленила
нелепая
просьба.

Вотон
любовался
чёрной ямой,

я рыдал
над убитым.

Качались
от ветра
деревья.
К земле
пригнулися
травы.
Глаза
застилали
слёзы.

Вдруг тень
знакомого ворона
скользнула
по зелени.

Флакон
с живою водой
упал
на колени.
– Пробудись,
Эней,
от долгого сна,
восстань
из мертвых!

Я плеснул

в лицо ему
живой водою,
он вздохнул
облегчённо.

Глаза,
оглядев
опустошённые дали,
обволоклися
печалью.

Вокруг
простирались
владенья
Вотона.

Вспыхнуло
голубое сиянье,
стал Эней
кротким,
светлым...

— Брат мой,
я видел Бога,
мне трудно
с живыми...

Дай приют
в твоём теле,

я войду
неслышно.

И в поры мои
проник он,
и стало нас
вместе –
двое,

Двое
в едином
теле.

Тогда
сказал мне
Вотон
Разящий:

– Я весь
обагрился
кровью,
я топтал
беззащитных
и слабых,
я жёг
на пути
селенья...

– Мне страшно

молчанье
мёртвых.
Прими меня
ради бога!

И в поры мои
проник он,
и стало нас
вместе – трое,

Трое
в едином
теле.

Не знал я,
что будет
дальше.

Весь мир
для меня
раскололся.

Я шёл,
попирая убитых,
путём
торжествующей
Смерти.

Солнце

в крови
каталось,
багровея
к закату.

Голос
возник
из мрака:
— Беги отсюда,
несчастный!..

И полон
смутной тревоги
в ужасе...
я проснулся.

1933 осень

«Чего ты ждёшь? Ярмо жестоко...»

Чего ты ждёшь? Ярмо жестоко,
Но близок час, оно спадёт,
Придёт японец из Востока
И немец с Запада придёт.

Они сметут до основания,
Что было создано трудом
И в тюрьмы перестроят зданья,

В которых мы теперь живём.

Веками будет иго длится
Враждебных желтолицых рас,
И снова будем ждать мы сдвига,
Освобождающего нас.

1933

«Опять за мною по пятам...»

Опять за мною по пятам
Шагает аистоподобный.
Он улыбается цветам
Улыбкой дружески удобной.

Как все избранники сутол,
Он в плащ завёрнутый небрежно,
На одуванчики подул,
И в парке сразу стало снежно.

– Я вами призван находить
Слова, забытые другими –
И властно прогремело – Быть!
Под облаками голубыми.

На шум травы, на птичий гам,
На торжество земного мира

Ложится, радостная нам,
Тень Хлебникова Велимира.

1933 декабрь 28

«Поэты живут, через годы...»

Поэты живут, через годы
Высокой дружбой сильны.
И в зеркале мнимой свободы
Причудливо искривлены.

У них усталые лица
Холодные бледные лбы
Они умирают от скуки
От мора и от судьбы.

Грядущее в розовом свете
Веками рисуют они
И только малые дети
Поэтам бывают сродни.

Мы связаны тонкими узами
Великий Мыслитель и Друг
И делим с прекрасными Музами
Свой маленький досуг.

1933 декабрь 28

«Ему приятен был семит...»

Ему приятен был семит
С горбатым носом и глазами,
Горящими двумя углями.

– Ко мне судьба благоволит –
Сказал он медленно и внятно –
Я вижу мир во всей красе.

И стало Юноше понятно,
Что от него отринут все
Его любившие когда-то.

И, скорбью о друзьях объят,
Теперь он смотрит виновато,
Когда о Боге говорят.

1933 сентябрь

1934

Восток

Хрупкие тени, тонкие вазы
Пряный ленивый Восток.
Однообразно ритмичные фразы,
Жёлтый певучий песок.
Дни опьянённые солнечным жаром,
Сок виноградной лозы,
Да пенное море,
Что с рокотом ярым
Плещется в мир бирюзы...
Жёлтые люди, поющие стены,
Судьбами правящий Рок,
Таким оживает всегда неизменный
В легендах и песнях Восток.

1934 январь 11

«Свобода приходит нагая...»

«Свобода приходит нагая...»

В. Хлебников

Свобода приходит нагая,
Одетых и сытых ругая,
Брань на губах площадная,
Тонкие ноги в крови.

За нею голодные люди,
Гул смертоносных орудий,
Волнуют упругие груди
Желанием плотской любви.

В руках её красное знамя,
И лижет косматое пламя
Восставшие в ночь города.

Разносит послушное эхо
Гомон победного смеха
И гневные песни труда.

Когда же пройдёт ликование,
Разрушат старинные зданья,
Весь город замрёт от страданья,
Отравленный и больной,

Свобода оденется в ткани,
Устав от насилья и брани,
Довольство растает в тумане –
И гнёт народится иной.

1934 январь 13

«Сегодня день прошёл в тревогах....»

Сегодня день прошёл в тревогах.
Я видел сны, читал стихи,
Встречал друзей и на дорогах
Любил их малые грехи.

Мне, как всегда, противны ласки
Нарядных женщин, вечерами
Другим я занят, смех и пляски
Мной позабыты за делами.

Когда же угощает друг
Вином, стихами и заботами,
Я разделяю с ним досуг,
Сомненья заедая шпротами.

Моя страна живёт трудом,
Который радостен и светел,
А я люблю свой тихий дом
И новой жизни не заметил.

Меня отсталым назовут
За то, что путь побед неведом,
И руку дружбы подадут,
Но я пойму, что буду предан.

1934 июль-август

Высокая дружба

Памяти Велимира Хлебникова

1.

Опять за мною по пятам
Шагает аистоподобный.
Он улыбается цветам
Улыбкой дружески удобной.

Как все избранники сутол,
Он в плащ завёрнутый небрежно,
На одуванчики подул,
И в парке сразу стало снежно.

– Я вами призван находить
Слова забытые другими –
И властно прогремело – Быть!
Под облаками голубыми.

На шум травы, на птичий гам,
На торжество земного мира

Ложится, радостная нам,
Тень Хлебникова Велимира.

1933 декабрь

2.

Я связал мой путь с твоим
Узами сердечной боли,
Как друзья мы говорим
О далёком дискоболе,
О Венере и Шамане,
О классическом романе,
Потому что каждый сколок
С облетевшей старины
Наших радостей осколок.
Мы с тобою влюблены
Во все сдвиги и посевы,
Во все стройки и напевы
Нашей молодой страны.
Спутник вымыслами кроется.
Он давно живёт в веках.
Над его томами роется
Ни один червяк в очках.
Только мы свободны с ним,
Духом скованы одним,
Хоть проглядом в будни –
ков,
разбивая
тягой

к светочам,
В хлопок тянет Будников,
Проливая свет
очам.

Пойдём с тобою смело
В выси далека,
Всего тебя одело
Небо в облака.
Жму руку высокому другу,
Иду с ним к тому, что забыто,
И, словно росой по лугу,
Рукопись кровью залита.
Люди, которым наскучили
Стихи о друге моём,
Кричат:
– Праведника замучили!
Мы не пойдём!
Мы не поймём!

1934 май-июнь

3.

Мне скажут: – Вы чужеее
У Вас другой язык,
Вы многое умеете

К чему я не привык.
И что же я отвечу
Тому, кто это скажет:
– Язык не я калечу
Он мнёт меня и вяжет.
Неистов и докучен,
А я, как старый воин,
Неуклюж и скучен
И похвал достоин.
Все говорят: – поэт, ему
Дорога к лучшим мира.
И я люблю поэтому
Как брата – Велимира.

1934 июнь

4.

В парке по извилистым дорожкам
Девушка гуляет вечерком,
В платье, что отделано горошком,
Выглядит красавица стручком.
Если разломить стручок проворно –
Крупные повысыплются зёрна.

1934 июнь

5.

Обойдѣнный силой нечистой
Я давно одуванчик пушистый.

На тонком стебле, высок и нежен,
Всегда я строен и дивно снежен.

Качаем ветром, ласкаем солнцем,
Расту у милой под оконцем.

Она проходит порою мимо.
Я говорю ей неувовимо:

– Сорви и дунь! Я буду твой,
Навеки связан одной судьбой!

Но девушка быстро пройдёт, не взглянет,
Как сердце чахнет, как стебель вянет.
Лети по ветру снежный пушок!
Никому ты не нужен больше, дружок!

1934 июнь

6.

Каждый волен
сердцем млетъ.
Каждый болен
и это – Смерть!
– Одарите лестью губы,
Лезьте, люди, будьте грубы,
И, вися на подножке трамвая,
Говорите:
Она не живая.
Костлявой рукою
Держа червяка,
Вместе со мною
Коротает века.
Мы снимаем с деревьев жизни
Крупных, жирных гусениц.
Нас обвиняют в атавизме
Сотни неизвестных лиц.
Но труды не гибнут даром.
Мы довольны нашим даром.
А на вас запас улик
Стал особенно велик.
Наблюдая без различья
Эти признаки величья,
Эти признаки уму,

Мы спешим вперёд пробиться,
А уж кем-то говорится:
– Передай билет ему!..
Так и всюду
Где мы будем,
Любо людям
Встретить Смерть!

1934 июнь

7.

Я видел из окон трамвая,
И сам подходил убедиться,
Как недра дорог разрывая,
В глубь прорастает столица.
Сердце поверить готово,
Что здесь и моя дорога...

Нынче снова
Ищут Бога
Дети слова.
Их немного.
Стучат в закрытые двери,
Но всё даётся по вере.
У них невольно сереют лица
И шепчут:

– Больно –
но кому
Охота слушать небылицы
Бедой грозящие уму?
С ними Бог седой земли,
Порой он грозен, но в пыли,
В небыль тянет, словом манит,
Кем он нянчить бедных нанят?

На годы
свободы
ложатся невзгоды...
Идёмте!
В двери стучатся
сыны природы
И мчатся
под своды...
Познав все ужасы плена,
Готов шептать:
– Я буду с чем?..

Не эти ли вышки метрополитена
Заговорили со мною о будущем?!

1934 июнь

Стихи ни о чём

«Как ноги устали, скорей бы прилечь, отдохнуть...»

Как ноги устали, скорей бы прилечь, отдохнуть.
Забыть суету, разговоры, смешную учтивость
Покоя она не даёт, и снова болит моя грудь,
И кашель противный и та же больная сонливость.

Я знаю, что радость напрасна. Проклятая
спешка минут,
Глупейшие речи, холодные взгляды, молчанье.
Любовь подавили, навек отчуждают, покоя
душе не дают.
Мы чужды друг другу и я говорю: «До свиданья».

Мне душно. Скорей бы дойти и упасть на кровать
Забыть эту встречу, заснуть, умереть... Или снова
Бежать и её догонять, и кому-то о встрече сказать
И рыдать оттого, что наскучило жить бестолково.

1934 апрель 21

«Она была лицом невзрачна...»

Она была лицом невзрачна,
Но миловидна и прозрачна.
Когда, охваченный огнём
Любви бессмысленной и вялой
Поэт, мечтая о своём,
Застал её над Калевалой.
Руками в ужасе взмахнув,
Он прошептал: она ж эпична
И вышло даже неприлично.
За грань условностей шагнув,
Он красовался перед нею
Только глупостью своею.

1934 июль 6

Стихи ни о чём

Кто этот юноша, который,
Даря набором длинных слов,
Тебя преследовать готов?
Беги скорей! Укройся в парке.
Гляди: он хворый,
Будет скоро

Кровью харкать,
И рубашка неожиданно красна.
Дни томительные жарки,
Это кажется весна
Нас сопровождает в парке.

– Я не могу ему противиться –
Сказала девушка –
Вполне
приятно мне,
что я счастливица,
И с ним останусь
наедине.
Мои слова его целители.
Уйдите прочь, стихов ценители!
Вам не понять искусства тех,
Кто нездоров и к смерти близок.
Ваш дерзкий смех
И груб, и низок.
Она, рукой махнув, прогнала
Нарядного увещателя,
И руку тонкую подала
Останкам чахлого писателя.

– О юности я буду петь –
Сказал он, кланяясь и кашляя –
Стихи хотите просмотреть,
Всё это свежее,
вчерашнее...

И вами полнится...

Моей

любви...

Но, может, не поверите?..

Вы идеал.

Я соловей...

Я пел...

а вы...

На метры мерите...

Им было скучно.

Запах вод

стоячих

Говорил яснее,

Что нету смысла

в том,

что вот

Поэт остался

вместе

с нею...

Стихи признаться ни о чём.

Готов пойти я на уступки.

Мы в жизни многое толчём,

Как воду в ступке.

1934 июль

«Имя девушки для нас...»

Имя девушки для нас
Только признак общий полу,
Как цвет волос и нежность глаз
Опускающихся долу.

Имя девушки намёк
На любовь, что сердце губит,
Каждый слог, как стебелёк:
Любит...
Не любит...

1934 август

Специалист

Когда мне скажут: будь как все!
Навряд ли я впаду в обиду.
Но, как всегда, к обеду выйду
И детям дам на карусель.
Затем бутылочку боржома
В кругу домашнем разопью,
И вспомню молодость свою,
Что бесконечно длилась дома.

Ведь было время на стихи
И на любовь – смешные годы –
Но как силён закон природы,
Что мне до этой чепухи?
Война, неволя, дни забот,
Октябрь, порядок изменивший,
Сломили дух, и я блудивший
С идеями, избрал завод.
Но там такая ж суета,
Как в городе, в трамвае, всюду.
Да разве я спокоен буду?
Я так измучился, устал...
Что стоит выполнение плана –
Ночей, волнений и трудов?
Тут всем пожертвовать готов,
И угождаешь постоянно.
Потом заводишь патефон,
И слушаешь глумление джаза
Над жизнью, что ещё не разу
Не обрывала вялый сон.

1934 октябрь-ноябрь

«Отмеченный высокой дружбой...»

Отмеченный высокой дружбой
Гулял я с призраком в саду
И говорил, что занят службой

И время мыслить на ходу.

Затем посетовал слегка
На одиночество больное,
Сказал, что жизнь моя мелка
И что он знает остальное.

Чуть согласился спутник мой
Что не гожусь я никуда,
Пошёл я медленно домой,
А он растаял без следа.

1934 октябрь

«Куда как приятно весь день вспоминать...»

Куда как приятно весь день вспоминать,
Бродить по аллеям, изведать тревогу,
В листе пожелтелой прочесть имена,
Забыться и прочь отойти понемногу.

Всю ночь видеть долгие сны о ещё
Несбывшемся счастье, искать утешенья
В потрепанных книгах, гадая насчёт
Её непременно возвращенья.

Казаться усталым, грустить на виду,
Роняя слова в листопад, в непогоду,
И верить, что все до неё доведут,
Что будет унынье любимой в угоду.

1934 ноябрь 17

1935

Опыты

«Пусть это будет опытом...»

Пусть это будет опытом,
Только жалким лепетом –
Идёмте, идёмте, друзья,
В открытые двери вымысла
И свергнем грубое слово: НЕЛЬЗЯ,
Силою ремесла!..

1935

«Когда рисует память годы...»

Когда рисует память годы
Моих младенческих проказ
Пустыми кажутся невзгоды
И утешаюсь я тотчас.

Мне кажется, что всё былое

Весёлым праздником прошло,
Что я остался на покое
И снегом дом мой занесло.

Что спешно наступает старость,
Как эта белая зима,
Что неминуема усталость
И вялость моего ума.

1935 январь 9

Песня

Ой я,
Ой я,
Ой –
Тара
рира....
Эй я,
Эй я,
Эй я,
Мария!
На сером
камне
о лей ла,
лей ла!...
Всех ты,
Мария,

других
милей
мне.

Но мимо,
мимо
бегу я ,
Мария,
Ой я,
Ой я,
в вихре
страсти.
Ты –
моё счастье,
счастье,
счастье...
Глаз –
твоих,
Фраз –
твоих –
Я
во власти.
Ночи
короче,
Очи
ярче,
Огнём
полыхают
жарче,

жарче...

На сером

камне

ждёт

Мария,

Ой я,

Ой я,

Тай,

тара

рира...

Но мимо,

мимо

полем,

лесом,

Страстью

гоним,

как

мелким

бесом.

А,

та-та,

тай-я,

ла-ла,

лий я...

Всех ты

милее

мне —

Мария!
Эй я,
Эй я,
Эй я –
Мария!
Ой я,
Ой я,
Ой –
тара
рира!...

1935 январь 16

«Юность моя бурным ничем не отмечена...»

Юность моя бурным ничем не отмечена,
Лениво иду я пустынной, заросшей тропой
И всё называю своим, всему имена нахожу.
Ясные, летние дни любовью полнят меня.

1935 март 12

**«Иные заботы меня
донимают, иные картины...»**

Иные заботы меня донимают, иные картины

Рисует услужливо память; аллеями парка
Иду я, читая по свежим древесным побегам
Новые, буйные песни, ещё не бывшие в мире,
А людям смешно: – Вот идёт влюблённый поэт!

1935 март 18

«Те люди, с которыми близок...»

Те люди, с которыми близок, назавтра станут
врагами,
Давняя, пылкая дружба – окончится дикой враждой.

1935 март 19

«Кому несустихов погремушки?...»

Кому несустихов погремушки?
Друзьям, забывшим о детстве счастливом,
Стоячим водам, где негодуют лягушки,
Белым берёзам, высоким соснам, плакучим ивам,
Небес океану, где щебечут из металла
рождённые птицы,
Где длинными рыбами плывут не спеша дирижабли,
Улицам пьяным от гула и гама и грома столицы
И тем, кто забыли свой дом и духом ослабли.
Мои стихи только отзвук на буйного мира

событья,
В них каждый отыщет своё и меня обвинит
в плагиате.
Весёлым и бодрым в жизни надеюсь быть я,
Открой мою книгу и будешь мне добрый приятель.

1935 март 27

«Весёлый, двадцатитрёхлетний шёл я песнями...»

Весёлый, двадцатитрёхлетний шёл я песнями
улиц сердце пьяня,
Резвая девушка, прыгнув с подножки трамвая,
звонко забила в ладоши.
Мелькание светофора, свистки милиционера...
Кто-то с букетом сирени лезет
поздравить меня.
Я растерялся вовсе, смешно развожу руками,
в лужах ищу калоши.
Льются потоки света, бегут у ног ручейками,
Сел я на сером асфальте, руки к дождю протянув.
Несутся рыча автобусы, фыркают автомобили...
Лишь я переполнен стихами,
В любом растворяюсь предмете и падаю
в глубину.

1935 март 29

«Я не знаю, где был на прошлой неделе...»

Я не знаю, где был на прошлой неделе,
Что делал вчера и куда сегодня пойду.
Своими расспросами вы давно уже мне надоели,
Я стройным, нарядным тополем стою у себя в саду.
Мои клейкие молодые листочки на вкус не так
хороши,
Душистую веточку липы приятней жевать на ходу.
Друг мой, забудь огорченья, под мирную сень
поспешу,
А я для тебя утешенье верное найду.

1935 апрель 28

«Я хожу и записываю всё, что придёт в голову...»

Я хожу и записываю всё, что придёт в голову.
Увижу вас и тотчас лезу в карман за тетрадью.
Мне нравятся ваши глаза, локоны, а также
выражение лица.
Немного бессмысленное, но приятное.
Я никому не задаю вопросов,

Находя ответы во всём видимом.
Со мною беседуют булыжники мостовой,
И крепнут в памяти обрывки знакомых
стихотворений.
Сегодня я внимательно слушаю радио, кропотливо
разбираю схемы,
Завтра с корнем рву проволочные путы
И прыгаю, словно дикарь,
Колотя кулаком в медный поднос.
Когда над городом косяком пролетают аэропланы,
Подобно журавлям они наполняют воздух шумом.
Люди, бегущие мне навстречу,
Улыбаются, снимают шляпу, подолгу смотрят
вослед.
Я вишу на трамвайной подножке,
Стою в очереди за газетой,
В булочной покупаю кило баранок,
Дома, лёжа на диване, читаю Хлебникова,
На фабрике веду занятия с малограмотными,
В парке гуляю с цветком в петличке,
В оркестре дробь выбиваю на барабане –
И всё это делаю одновременно.
Для меня торжественно поют провода,
И кажутся свинцовыми воды Серебрянки.
Вкусно пахнут олифой не до конца окрашенные
заборы,
И лежит кое-где пушистый, беспомощный снег.
Для меня наряжаются девушки в цветные,
нарядные платья,

Юноши кичатся здоровьем и бодростью,
Старцы молодеют приметно
И пляшут под гармонь вприсядку.
Смотрю – и радостью полнится сердце,
Что живу я в таком счастливом мире,
Где всё залито лучами солнца,
Согрето лаской любви.

1935 апрель

«Я устал казаться любимым...»

Я устал казаться любимым
И жевать, как ветку липы, сладкое «не быть»!
Всё равно останетесь или пройдёте мимо,
Лишь о вас я буду говорить.

И колени, обхватив руками,
В уголку дивана, в полусне,
Длинными нескладными стихами
Говорить о счастье не доступном мне.

1935 май

Гоголь

Когда со мной бывает Гоголь,

Он шепчет страшные слова.
Вся голь ползёт,
И бьются в окна
Жуки,
И огневает голова.
Как много мёртвых душ со мною
Готово разделить досуг.
И кажется совсем больною
Моя усталая душа.
И тихо, тихо, чуть спеша,
Сужая неприметный круг,
Подходит ближе сатана
И смотрит мутными глазами.
Но богоносная страна
Поднимет веру словно зная.
Воспламенится сердца уголь,
И будут люди в Боге радостны –
Так шепчет Гоголь
Со стены,
И сны
Отравленные
Сладостны.

1935 май 11

«Весна затеплила цветок...»

Весна затеплила цветок,

И жёлтым огоньком горел он.
И долго я понять не мог,
Что пахнет в комнате горелым,
Что занавеска занялась
От заронённого огня,
Что пламя кинулось, смеясь,
И жёлтым обожгло меня.
Обугленный, совсем больной,
Бежал я в сад цветущий дико
И на землю упал без крика,
Сражённый дерзкою весной

1935 май 12

В огне

Захожу я в огнедом
И сгораю в огнепламени,
Огнеполон огнедум
О великом огнеплемени.
И приходишь ты ко мне
Вся в огне,
в огне,
в огне...

Твоё дело –
огнедело,
Твоё тело –

огнетело,
Твои руки –
огнеруки,
Твои ноги –
огненоги,
Твои очи –
огнеочи,
Твои речи –
огнеречи...

Огнекровны,
Огнеблизки
мы,
Огнедети
Огнедуха
мы,
Огнебури
огневеют
нам.

Вместе,
Вместе
будем ждать
Огнемига
В огнедоме
огневнемля
огнедням!..

«И Бога, рождённого прежде...»

И Бога, рождённого прежде,
От Бога, рождённого прежде,
Я встретил на пыльной дороге
В потёртой, убогой одежде.

Он подал мне тонкую руку,
Красивую, тонкую руку –
И шли мы по пыльной дороге,
Себя обрекая на скуку.

Встречались нам бледные люди,
Усталые, бледные люди,
Но мы им на пыльной дороге
Опять говорили о чуде.

И звали их в мутные дали,
В синие мутные дали,
Куда мы по пыльной дороге
С большой неохотой шагали.

1935 май

Че чёрным

Чо!

Чозори робичичи.

Чечеорчи

Черри...

Чив чъёзе!

Че!

Че!

Чео

Чео

Черри

Чам

Чу...

Ч –

очи,

Ч –

очень,

Ч –

оч...

И

Чер –

черри,

Чер –

черри,

Чрр...

Чррр...

Или

мерк

он?

Чоһир!

Чоһир!

Чози...

Чози...

Ночи

очам

меча —

о Чо!

Чери,

Чирк,

Чорк.

Черри

Чоһо!

Черри

Чоһо!

О чем?

О

Ч!

Эль

Ч.

Черлерлерле,

Черлерлерле,

Чечио

Эль.

Чок

Човик.

Чьоу,

Чьоу,

Чем

Чо?

Ваши

очи

черны.

Чени.

Чемь.

Чаһы.

1935 май 31

Пляска лешего

Красотиною блесну,
Быв князь-морока слугой.

– Уж я топну ногой,
Да притопну другой,
А, ну, девушки, ну,
Как бывало в старину! –

- В лесу ягода-калина моя...
- В лесу ягода-малина моя...

Завертелся лесовик –

Чих!

да

Чих!

Взбаламутил,

трясовик,

лешачих!

– Ай, годы мои,

Не уроды мои!..

– Ай, сосны мои,

Словно вёсны мои!..

– Ай, ели мои,

Заскрипели, мои!..

Трясёт леший бородой:

– А я, девушки, молодой,

Любезные, молодой!..

В лесу грохот.

Хохот.

Хруст.

Треск.

Гам.

Пляшет леший.

Топчет куст.

Здесь.

Там.

То с разбегу в небо –

Бух!

То опять на землю –

В мох!

Только слышно всюду –

Ух!

Ох!

1935 июнь

Мария **(Силлабические стихи)**

Марию в стихах прославлять буду всякий час,

Мною без лишних всех любима она прикрас.

Красотою всех превзойдёт данною свыше.

Сердцу приятна и многих милей и тише.

Обликом складна, иных шутя превосходит,

Каждый человек по ней равно с ума сходит.

Она же словно не знает чему причиной,

Всем кажется неприступной столь и невинной.

Глаза опускает долу, дарит улыбкой,
А слово промолвит если и то ошибкой.
Муки мои ужасны, что им сходно только?
Стихов моих не читает она нисколько.
С другими гулять уходит в тенистом саду,
Я же следом один с учебной книгой иду.
Жалоб влюблённого будет ли ей довольно?
Смехом исходит, а мне особенно больно.
Мария, лыцу себя слабой к тому надеждой,
Что буду любим тобой и полным невеждой.
Причудам любви, быв обучен тобой едва,
Чую – в огне Поэзии горит голова.
Воспою Марию стихотворчества даром,
Сердце пленила мне и смеётся не даром,
Резвостью детской полна отнюдь не кичится,
Одних растормошит и уж далее мчится,
Радость сердцам сулит, так же лучшие чувства,
Чтоб процветали посредством сего искусства.
Да будет Мария всегда по мне прекрасна.
О ней и пишу веленью сердца согласно.

1935 июнь 3

«Прославишь солнца ясный диск...»

Прославишь солнца ясный диск
И добрую сестру луну –
Придёт ли вновь святой Франциск

Или то было в старину?
Он разумея птичий толк
И свежих трав земное слово,
Был прост и кроток. Дикий волк
Прильнул в лесу к ногам святого.
Подобно преданному псу
Мохнатую он подал лапу...
И снял святой смиренно шляпу
И шёл сияющий в лесу.

1935

«Я остался один у подъезда...»

Я остался один у подъезда
И вздыхал о Вас Серафима.
Было поздно. Сверкали звезды.
И трамваи сновали мимо.
Было людно и было пыльно,
Было трудно расстаться с Вами.
Было ясно, что я заброшен,
Чтоб скитаться под фонарями.
Чтоб глядеть на чужие окна
Натыкаться на всех прохожих
Чтоб искать по дороге женщин
Хоть немного на Вас похожих
Чтобы встретив не поклониться,
Но пройти равнодушно мимо –

Вы единственная на свете,
С кем Вас сравнивать Серафима?
Так я думал, когда остался
У подъезда, простившись с Вами.
Так я думал и шёл вздыхая
Прочь – под жёлтыми фонарями.

1935 сентябрь 9

«Ах, по осени то было...»

Ах, по осени то было –
Тучи нависали хмуро,
Шли дожди, ревели ветры.
Вдруг встречаю я Амура.

Он продрог и был не в духе.
Шли мы вместе в галерею.
Стрелы он тащил в колчане,
И под ношею своею

Изнемог – и начал плакать.
Я помог ему. С колчаном,
Луком шёл я по дороге
Вслед за глупым мальчуганом.

А затем, когда пришли мы
В галерею, он смутился

Взял стрелу. Тут прозвенела
Тетива. И я влюбился.

1935 осень

Мрамор

Собака белого камня
Грызла черные корни
Коряг. Ворчала.
Вечер сухие пальцы
Сжал на горле Фавна.

Там, за оградой сада
Синело слабо небо.
Собака стала на лапы,
Стала лаять слабо
Собака белого камня.

Вечер собрал силы.
Мрамор стонал глухо.
Крепкие руки Фавна
Рвали тёплое тело
Так, что летели клочья.

Белая глыба камня
Рванулась на помощь Фавну –
Поздно. Мрамор расколот

Мглою. Упала наземь,
Рыча, собака.

1935 октябрь

«Ы – благополучия прочёл на трамвайном билете...»

Ы – благополучия прочёл на трамвайном билете,
Номер его – знак удачи, знамя поездки,
Числу доверяю мысли, привык вести счёт дням,
людям, заботам,
Чтобы неясное МНОГО противопоставить СЕБЕ.
Ы пляшет, как живое, наделённое плотью
существо,
Отражается в стёклах, толкается, висит на
поручнях.
Я же – создатель его – сию, нанизывая слова,
как бисер,
Чёрный бисер – на долгую нитку.

1935 ноябрь

1936

Всё сказано другими

«О чём я могу сказать?...»

О чём я могу сказать?
Всё сказано до меня
Другими.
Любые времена
Вплетаются
в канву рассказа.
Вместе кружатся в пляске,
Ласковые...
В них
Твоё нежное имя
Звучит
над деревьями парка
Раскатами грома,
каскадами огня,
плесками водопада.

Мне ничего не надо,
Кроме вечного праздника

Моей души,
кроме:
– ХОРОШО!

Бьют в уши –
шумы,
Приятны
шорохи листьев.
Тихо ложатся тени.
Ты утопаешь в синем.
На земле холодные листья

Газеты –
полны предвестий.
Печальна участь твоя, Абиссиния!
Люди бранят войну.
Они и боги
бегут на брань,
Вооружённые
с ног
До головы...
И снова
Стою в стороне молча.
Каждое слово моё вздорно.
Я никому не нужен.

1936 март

«Ио, нимфа прелестная...»

Ио, нимфа прелестная,
Аргус тебя стережёт.
Следит недремлющим оком
День и ночь за тобой.

Но в образе белой тёлки
Так же прекрасна ты.
И тщетно Зевс умоляет
Супругу ревнивую.

1936 февраль 6

Танка

Там, где тонко,
И рвётся. Так и танка.
Миг. Задумал. И мимо
Мысли. Мелькают
Словно тени.

1936 февраль 7

«Ты живая – я понял по трепету...»

Ты живая – я понял по трепету,
Нежный ствол твой обнимая.
Ты – берёзка в начале мая,
Вечно тоненькая и прямая.
Я покорно внимаю лепету
Листвы, утопая в зелени.
У меня достаточно времени
Любоваться тобою в парке.
Я целую стройные ветви,
Несу скромные подарки,
От тоски не найду себе места.
– Скажите, берёзка, ведь вы
В самом деле моя невеста?

1936 апрель 18

«Лирическая Муза...»

Лирическая Муза
Не будь ко мне сурова,
От нашего союза
Пушай родится слово,
Тщедушное, болезненное,
Нескладное порою,

Но всё таки родное
И схожее со мною.

1936 апрель 23

«Утомила меня суета...»

Утомила меня суета –
И тогда я оправил постель,
Как прозрачна, легка и чиста
Простыня и проста акварель,
Что висит в уголке на стене.
Там заросший неприбранный сад,
Старый домик с цветами в окне.
И две девушки в белом сидят.
Вот сейчас я усну и приду
К ним спокойно сидящим в саду,
Отдохну от тревоги дневной
И они посмеются со мной.

1936 май 22

«Ах, она больная, тонкую папироску...»

Ах, она больная, тонкую папироску
держит в зубах,
У неё бледное лицо и румянец

яркий на щеках.

Я устал в любви казаться нескладным
неучем

И наши разговоры длятся без
конца ни о чём...

1936 июнь 10

Отрывок

Не знаю, откуда сырая мгла
Тяжёлою поступью подошла.
Но я затеплил в лампе огонь,
И стало в комнате так светло,
Что я погрозил и сказал: – Не тронь!
Тому, кто смотрел на меня сквозь стекло.
Мне было уютно среди ковров,
Потёртых вещей и любимых книг.
Давно к одиночеству я привык
И даром не трачу медленных слов.
А здесь, не подумав, что ждёт потом,
Хоть крепкий чай стоял на столе –
И было мне так хорошо в тепле –
Я пригласил Незнакомца в дом.
Тут хлопнул ставень. Окно в поту,
И резкий стук у моих дверей:
– Открой ипусти! Скорей! Скорей!
Я сырой и холодный, меня обогрей,

Я не первую ночь ночую в кусту!..
И телом тяжёлым на двери налёт,
И с петель сорвал вполовину крюк.
Но то романтика, милый друг,
То мой обособленный уголок,
Где незаметную жизнь веду,
Читая на ночь Эдгара По.

.....
.....

1936 август

Памятник (Гоголю)

– Спи, усни, моя радость! – пели камни.
В сыром тумане дремала столица.
Ко мне подошёл старинный памятник
Косными мыслями поделиться.
И хотя мне было жутко и больно,
И прыгало сердце, как птица в клетке,
Я глядел на него с участием, невольно
Вспоминая газетные заметки.
Ужели гибель твоя близка, и вещи,
Наделённые Духом, живущие во вне,
Умирают, мы с ними прощаясь трепещем,
Когда остаёмся наедине.
– Друг мой, старый, согбенный!.. Даже

Жуткий немного, с птичьей повадкой,
Стоявший годы в неподвижной страже,
Ставший горькой, смутной загадкой, –
Ты со мною в мокром сквере,
Где падает жёлтый лист, где свет
Фонарей слеп, где мысли гложут, как звери
Падаль – и больше рассвета нет.

1936 сентябрь

«Приходил к нам юный Бог...»

Приходил к нам юный бог
Винограда и веселья,
Приходил на новоселье
И уйти никак не мог.

Мы венок ему надели
Васильковый, голубой...
Потянулись недели
За весёлою гульбой.

Подогретые вином,
Мы слагали много песен.
Мир казался, в основном,
Радостен и интересен.

Вожделенье нас влекло

Делать глупости заранее,
Если девушки легко
Танцевали на поляне.

Но мертвецки влюблены
Презирали мы забавы,
И валилися в канавы
Безобразны и пьяны.

Как смеялся юный бог
Винограда и веселья.
Было пагубно безделье,
Много пьяных у дорог.

1936 октябрь

«Виноградное вино...»

Виноградное вино
Снова искрится в стакане,
Снова пить мне суждено,
Плыть и шириться в тумане.

Вот огни обведены
Серебристыми кругами,
Вот опять мы влюблены
И сидим за пирогами.

И кружится голова,
Вещи в комнате двоятся.
Стали косными слова,
Надоело притворяться.
Я люблю тебя, люблю!
И земную, и простую.
Взгляды быстрые ловлю,
Поднимаюсь, протестую.

Называю невпопад,
Зацепил за край салфетку.
На бок вазочки летят,
А консервы на соседку.

Стройной девочкой она
Мне на праздниках предстала,
Погрустила у окна,
Затуманилась, пропала...

1936 ноябрь 10

1937

На вернисаже Сурикова

На вернисаже Сурикова,
В суете, когда сновали вокруг
Известные деятели, думал не перенесу оков
Условностей, безропотно приму недуг
Трафарета, не найду живого слова
Перед гигантскими полотнами,
И я призывал Духа Святого,
Чтобы мысли сделались осязаемыми и плотными.
Были несносны окружающие нас
Люди, определения, мысли их.
Я говорил глупости, но шептал: «Отче наш...»,
В сердце моём звучал огневой, испепеляющий
стих.
В час, уготованный для греха,
Когда всё мне казалось тягостным сном,
Я заметил двух девушек и тайно вздыхал,
Обе стройные, они были в красном.
Я теребил цветы и мямлил в пальцах
Пахучую зелень, и не знал как подойти
Ближе, словно мотылёк схвачен, пыльца отрях-
нута, улететь нельзя, нужно сидеть и врага

умолять: – Прости!..

Я готов был метаться из угла в угол,

Не думая, не зная спасенье в чём...

Вместо сердца в груди моей пылал раскалённый
уголь,

Я был уличен, и уж бредил Угличем.

Они мелькнули в красном обе,

И в бешенный лейтмотив молодости

Вплелась мысль, что вот «во гробе

Сущему, жизнь даровав», повелел Он тяжёлый
крест нести.

Но я верю смиренно – святая Церковь спасёт
меня,

Как и всех своих верных слуг,

От диких соблазнов, от огня

И сердечных мук.

Если нежная девушка пришла с мороза,

Внесла тишину, и вся потянулась навстречу,

Как протопоп Аввакум благословлю в ней

Морозову

И буду, томясь в заточении, любить этот

зимний вечер...

1937 январь

Скука

Я маленький, качай меня в люльке,

Колыбельную песню пой!
Я живу в глухом переулке,
Там со святыми меня упокой!..
Мой дом заметён снегом,
Нельзя к нему подойти.
С людьми я встречаюсь во сне: Го-
род
покой ли
смутит
мне?
Какой-то прохожий:
– На водку –
И вот,
за рукав
теребит.
И, ну,
Пристаёт.
Я возьму
и рогожей
Рупору
глотку
заткну!

1937 январь

Портрет друга

Он был красив, красноречив,

Его звучали речи гневно,
Он, прославляя коллектив,
Читал газеты ежедневно,
И часами у киоска
Ожидая, весь в поту,
Говорил остроты плоско –
Я повторить их не могу.
Да и нет необходимости.
Без подъёма и решимости
Был взгляд его несносен.
Вечерами, ровно в восемь,
Он сидел со мною в комнате.
Видя вещи свои смутно,
Я вздыхал и сетовал тяжко.
– Вам нужна эта бумажка?
– Вы отрывок этот помните?
И, напевая музыкально,
Гляделся в зеркало украдкой.
Я был холодный и печальный
Перед мучительной загадкой
Необычайно актуальной.
Когда в карманы пиджака
Он клал свои большие руки,
Я узнавал издалека
Его и изнывал от скуки.
То, что ново на экране,
Было юноше знакомо,
Слово в слово он заране
Повторял мне песни дома.

И технические термины,
Как из рога изобилья,
Сыпались на ветер. Те мне
Придавали крылья –
Я парил, и в облака
Сыроватые, косматые
Опускалася рука,
Словно были клочья ваты то.
А другие – в вихре пыли
Уносили, развивая скорость,
И папиросы мы курили,
И дурманились. Но хворости
Приближенье слышал я,
И мучительно кипело
У меня в ушах, и тело
Было слабым, словно дня
Умиранье наложило
Отпечаток роковой.
Единенье наше было
Видно выдумкой пустой.

1937 январь 10

«От женщины стройной и тонкой...»

От женщины стройной и тонкой
Не мог ожидать я привета.
Хотя бы, пустая примета

Смутила покой мой. Сторонкой
Её обошёл бы. Бежал бы
Друзьям своё горе поведать,
В стихах передал бы все жалобы
На тяжкие беды – и сел бы спокойно обедать.

1937 февраль 1

«Какой размеренной беседой...»

Какой размеренной беседой
Ты сердце юное пленил?
Возьми бумаги лист и поведай.
Вот перо и пузырьёк чернил.
В печали преклонил он голову к столу
И думал, вздрагивая плечами:
– Какому идолу я вознесу хвалу?
Уж не позвать ли врача мне?
Как тело раненного, наземь
Упавшего, оплачет Ярославна,
Так я страдаю много зим
И гибну медленно, бесславно.
Кому нужны нескладные отрывки,
Моей судьбы черновики?
Даже случайно открыв их,
Небрежным движеньем руки
Вы сбросите прочь со стола
Досадную кипу бумаг.

Той жизни не будет следа, что была.
Но я оставляю зарубку,
На дереве жизни таинственный знак.
И девушку, что куталась в шубку,
И ехала вместе в метро,
И наш разговор, и тревоги,
И раннее, зимнее утро –
Я всё занёс на бумагу,
Оставляю на память тебе.

.....
.....

1937 февраль 5

Утро

Я мирно спал ещё... покуда
Одолевали сны. Но вот
В моё окно лучами бьёт,
Ликуя солнце. Я восход
Воспринимаю словно чудо.
Я открываю окна в сад,
Где зелень смочена росой,
Где капли крупные дрожат,
Ещё удержаны листвою.
Но солнце выпьет их шутя,
Едва поднимется немного.
Вот золотится вновь дорога.

Смеётся за стеной дитя,
Мать уговаривает строго:
– Угомонися, время спать!
Вот разбуянилось некстати!
Тут солнце прыгает в кровати
И нежно обнимает мать.

Я у окна... Кусты сирени
В цвету, и яблони в цвету.
Террасы ветхие ступени,
Прохладные, сырые тени
Мне так приятны. Я расту,
Я поднимаюсь в высоту,
Я покидаю кров приветный,
Где мне сидеть не вмоготу.

И вот в саду... Едва приметный,
Душистый, утренний туман
Всего пронизывает. Снова
Меня переполняет слово,
Я одурманен, полупьян.

1937 май 10

«Мне радостно виденье Бога...»

Мне радостно виденье Бога,
Возникшего из темноты...

Я раздвигал рукой кусты,
Не зная, где лежит дорога,
Я нарушал ночной покой
Призывным окликом, не зная
Где выход, ибо глушь лесная
Вновь тяготела надо мной.
Но вот я вышел на поляну,
Где редкие чернели пни,
Которым поклоняться стану.
Присел я отдохнуть немного.
Тут путник подошёл ко мне.
И я познал наедине
Явление радостного Бога.

1937 июнь

Андрей Белый (Призрак недавний)

1.

Ходил я к Андрею Белому
В дни болезни его на поклон,
Мне скромному и несмелому
Пророком казался он.

Имел я тогда немного
Молодых, но радостных лет.
Искал я по книгам Бога
И верил в Третий завет.

Меня не пустили к больному.
Вечно ставят преграды поэтам.
В горе я удалился к дому –
И о смерти узнал по газетам.

1936

2.

Я пребывал в астральном мире,
Там, где прообразы вещей,
Мой разум разгорался шире
Снопом ликующих лучей.

Я не грешил, лишённый тела,
И на земную суету
Смотрел торжественно и смело,
Как перешедший за черту.

Неосязаем и бесплотен,
Я был мечтой во много сотен

Веков и стран перенесён.

Несуществующей рукою
Его руки коснулся я,
И думал: – Друга успокою,
Ему близка любовь моя!

Озарена лучами славы
Преображённая душа,
Её движенья величавы,
Она проходит не спеша.

1937 сентябрь 17

3.

И когда Андрея Белого
Повстречал я в поздний час,
Невещественное тело его
Было призраком для нас.

Он прошёл путями росными,
Нарушая тишину,
И дымками папиросными
Обволакивал луну.

1938 февраль

«Юноша, ломая руки...»

Юноша, ломая руки,
Молился каменным богам.
Он отвергал докучные науки,
Читая тексты древних по слогам.
Преданья косного Востока
Ему подспорьем были.
Крылатые духи духовное око
Насильно ему приоткрыли.

1937 октябрь 16

Стихи о Египте

1.

Прекрасная страна Кеми,
Повсюду слышу я приветствия тебе,
И двойника моего Ка
Славословия, обращённые к тебе...
На берегу голубого Нила
Медленно влачились дни мои.
Я был бедным землевладельцем,

1937

2.

Меня за письменным столом
Терзают мысли о былом
Египта, и во славу Бату
Слагаю гимны я. Потом
Иду смиренно получать зарплату,
Не мысля тело изнурять постом.
Я стал практичен, озабочен
Делами службы и еды.
Мой день размерен, приурочен
К таблицам, графикам и прочим
Бумагам. Все мои труды
Приведены в порядок строгий.
Пишу и мыслю я дорогой.
Дневные записи веду
В метро, в трамвае, на ходу.
Друзьям кажуся недотрогой.
Они в заботах обо мне
Способны утомить вдвойне
Участьем, дружеской беседой.
Прижав заботливо к стене,
Твердят они порой: «Поведай

Свои сомнения и тревоги...»
Я покидаю удобное кресло и говорю:
« Не мучьте, не мучьте, старинные боги,
Ещё не забыл я ваши заветы,
Мне памятны будут заботы, заметы,
За ваше внимание благодарю».
Передо мною том Тураева,
В судьбы Египта вникая,
Я сел читать ещё вчера его,
Своим привычкам потакая,
И смутно вижу воды Нила
И землю, где во время оно
Влачились дни мои под тяжестью закона.
Египет знойный, родина моя,
Благословенные, священные края...

1937 март

3.

Не много слов лукаво сказано,
Но сердце новой страстью связано.
К осеннему солнцу обращаю лицо
И юные плечи, откину косынку,
С добрым утром выйду я на крыльцо,
Поздравляю стройную, тонкую рябинку.
Она, смеясь, целует небо,

Поборница любви земной,
Даёт собаке ломоть хлеба:
– Вот, раздели его со мной!..
И двор, окинув быстрым взглядом,
Пошла минуя грядки,
Пленяя утренним нарядом,
Играть с цветами в прятки.
Покинув сонные покои,
Где изнывала час назад –
Она срывала астры, бархатки, левкой
И скромно потупляла взгляд,
Когда назойливые пчёлы
Спешили к ней прильнуть в надежде
Пить мёд из рук, что голы
И гибки. В солнечной одежде
Была смугла она, улыбка
Её лицо преображала.
Она, шутя, воображала,
Что и недуг любви – ошибка.
Нарушен вечный распорядок,
И вместе с гибелью цветка
Ей привкус смерти также сладок,
Как детям карамель с лотка.
В своих поступках непреклонна,
В любую минуту поставить могла на своём.
Читала гимны Эхнатона
И солнце славил во всём.

[...]

5.

Белых лотосов букет
Получи, моя красавица,
Мне приятен твой привет
И желание понравиться.
Рано утром по реке
Плыл я в утлом челноке.
Наловил я много рыбы,
На базар её отнёс...
Жить мы весело могли бы —
Всё зависит лишь от нас.
Золотисты твои плечи,
Обожжённые загаром,
И пленяешь ты задором
Вздорной, непокорной речи.
Все твои пятнадцать лет
Опалёны солнцем юга...
Ты мне верная подруга,
Излучающая свет.

1937 декабря 2

6.

Незабвенный, далёкий Египет,
Ты моё золотое детство –
О тебе мои светлые сны.

Ничего не забыл, вспоминаю
Плодородную нашу долину,
Утопающий в зелени дом.

Ты со мною сестра и невеста,
Ты меня никогда не покинешь.
Нам родная земля дорога.

Мы богам поклоняемся в храме,
Мы покорны словам фараона,
Наши дни без движенья давно.

Злые духи пустыни песками
Дуют долгие годы в лицо –
Нам завидуют злобные духи.

Мы следим за разливами Нила,
Нашим нивам несущего жизнь,
И к нему обращаем хвалу.

Вся природа близка и прекрасна,
Когда служит она человеку
И трудам помогает его.

Ты со мною сестра и невеста,
Поклоняешься светлому солнцу,
Славишь родину нашу – Египет.

1938 февраль

7.

БОЖИИ КОРОВКИ

Вот маленькие аписы... Они
Вмиг разбрелись по рукаву толстовки.
Любимы мною божии коровки,
Они быкам египетским сродни.

И красные, пылают как огни,
Когда вперёд ползут без остановки.
Мне нравятся их скромные уловки,
Следя за ними – вспоминаю дни,

В которые любила Египтянка
Пришельца чуждой северной страны.
Нарушила заветы старины

Свободная, простая поселянка –
И перешла в сказания веков
Пасти со мною жертвенных быков.

1938 февраль

8.

Любовь вернёт былые сны,
Колоду карт своих рассыплет,
И снова я войду в Египет,
Внимая зову старины.

Я сдвину крышку саркофага
И встану в тленных пеленах,
Когда окаменевший прах
Земная оживит отвага.

Один пойду бродить в поля
Ещё затопленные Нилом,
Вновь поклонюсь моим могилам,
Тебе, священная земля.

Как правоверный египтянин,
Родную навещу семью,
И будет славить жизнь мою
Своими песнями крестьянин.

Сухое, тощее зерно
Само весною прорастает,
И тот спокойно умирает,
Кому воскреснуть суждено.

1938 апрель

«Преданья косного Востока...»

Преданья косного Востока
Ему подспорьем были.
Крылатые духи духовное око
Насильно ему приоткрыли.

1937 октябрь 16

«И вот любовь моя...»

И вот любовь моя
К твоей стремится,
Ты самая упрямая,
Ты прямо львица.

1937

Осенние танки

«Осень настала...»

Осень настала.
Падают с клёнов и лип
Жёлтые листья.
Ветер с клумбы срывает
Цветы запоздалые...

1937 сентябрь

«Листок беру я...»

Листок беру я
Восковой с прожилками,
В нём горечи мёд.
Линию руки смотрю.
Гадаю свою судьбу.

1937

«Солнце любовью...»

Солнце любовью
Дарит растенья в саду.
Лишь моё сердце:
Вовсе любви не знает,
Пребывает в печали.

1937

«Я принёс цветы...»

Я принёс цветы –
И в холодном вазоне
Горело пламя,
Внесённое из лесу –
Солнца кусок на столе.

1937

«Думаешь легко...»

Думаешь легко
Написать танку тебе,
Возлюбленная?
Нужно ходить часами,
Считать слога и вздохи.

1937 сентябрь

«Отцвели астры...»

Отцвели астры,
Отцветут и гвоздики —
Как и, ты радость!
Золотых волос твоих
Шёлк померкнет в тумане.

1937

«Ты вся, как цветок...»

Ты вся, как цветок
Нарядный, изысканный,
Благоуханный...
И мог бы сорвать я тебя,
Но лучше мимо пройду.

1937 сентябрь

«Если сделано...»

Если сделано
Из хрупкого фарфора
Сердце твоё, друг,

Она будет играть им
И разобьёт случайно.

1937 сентябрь

«Лишь одна звезда...»

Лишь одна звезда
В холодном, синем небе
Привлекает взгляд.
Снится любимая мне.
Прекрасен сон наяву.

1937

«Пойти ли куда...»

Пойти ли куда –
Душу тревога томит,
Скука объемлет.
Вот и сию я дома
Долгими днями один.

1937 сентябрь

«Снова дождь идёт...»

Снова дождь идёт.
Льются потоки воды
По тротуару.
Сегодня нужен зонтик
И новые калоши.

1937

«С утра лёг иней...»

С утра лёг иней
Голубой и девственный.
Старуха прошла,
Сапогами грязными
Проложила дорогу.

1937

«Подобно вину...»

Подобно вину,
Тринадцатая танка
Мутит мой разум.

Я пьян от пряных стихов,
Написанных в листопад.

1937

1938

Гадалка

Вот смуглая, красивая гадалка,
Раскинувшая карты на полу.
Толпятся тени длинные в углу.
Она одна, ей никого не жалко.

Гремит вдали невидимая прялка.
Она глядит в сиреневую мглу
И знает – нить, продетую в иглу
Спокойно обрезает Парка.

Её глаза огромные темны,
Они слезой туманятся невольно.
Ей всё равно – однако сердцу больно

От наступившей сразу тишины.
Суровый мир, сокрытый за коврами,
Врывается, переполняя снами...

1938 март 31

Виргиния

Мне дорога любовь безумного Эдгара
К Виргинии. Он никому на свете
За все сокровища не уступил бы нежной,
К нему покорно льнущей девочки. Не мог бы
Из города уехать, изменить порядок
Раз установленного дня, забыть тревоги...

Ей шёл девятый год, когда впервые
Постиг он, что любовь навеки свяжет,
Поработит его, но и взамен подарит
Преображённый мир. По вечерам у тётки
Засиживался он, размеренной беседой
Одновременно радуя и досаждая.
Он был любим, как сын, к его привычкам
И странностям обычно снисходили.

Виргиния росла с ним вместе... Утомлённый
Бесплодным днём, несущим огорченья,
Спешил он в дом, где был всегда желанен –
И память сохраняла для него
Течение вечеров неповторимых.

Любил играть он с девочкою, наряжая
В костюмы фантастические кукол,
Придумывал смешные представления,

Преображая комнату в огромный,
Народом переполненный театр.
Виргиния смеясь рукоплескала
Весёлым фокусам. В иные вечера
Они писали вместе акварелью
Кривые домики, деревья и людей.

Нередко у Эдгара на коленях
Малютка засыпала, прислонившись
К плечу. Боялся он тогда нарушить
Её покой, она казалась хрупкой
И маленькой. Безмолвно любоваться,
Оберегая сон её, он мог часами.

Был день рожденья тётки. У неё
Собрались гости. В их кругу Эдгар
Казался мрачным. Он сидел с бокалом
Вина и про себя скандировал стихи.
Так далеко была Виргиния, что даже
С ней перекинуться единым словом
Не мог он, так докучны были гости,
Что сердце разрывалось от скорби.

Вдруг все заметили Виргинию, все потянулись
К ней, заговорили сразу: – Да она совсем
Невеста! Как она мила! Немного
И замуж выдадим её! – Все эти шутки
Измучили Эдгара. И когда малютка,
Смущенное поборов, сказала твёрдо,

Указывая на поэта мрачного: – Я буду
Только его невеста! – Все переглянулись
И долго хохотали. В этом смехе
Обидного немного было, но Эдгар
Смутился, он не смел поверить
Словам Виргинии. Они стояли вместе
Среди смеющихся гостей и ждали
Когда утихнет гомон...
Так слагалось
Повествование о любви поэта.

1938 июль

Павел **(Фрагмент)**

Как трепетал он в тёмном коридоре
Пустом и длинном. Притаясь в углу,
Он думал: – тут пройдут убийцы вскоре
И труп его покинут на полу.
Все двери заперты, закрыты ставни плотно,
Мосты разведены, во рву шумит вода,
На оклик часовых стремится безотчётно
Его душа – и так идут года...
Он одинок давно, и служат лицемерно
Ему враги, и сам он поощряет ложь.
Часы бьют полночь. Их удары мерно

И глухо падают... Той пытки – не уйдёшь!
Он волен сам себя испытывать. От Бога
Ему дана неограниченная власть.
Судьба страны в его руках, и строго
Судить он должен, чтобы не упасть
Во мнении держав соседственных. Заставил
Он всех дрожать при имени своём.
Топорщится и поднимает плечи Павел,
Пока слагаются сказания о нём.
Он строит фантастические планы
И правит призраками. Как невнятный бред
Нагромождаются указы, и туманны
Деянья – и ни в чём порядка нет,
Всё перепутано. Дыханье смерти снова
Его страшит, он напрягает мозг
Полубольной, и силой подавляет слово.
Один в углу он словно топит воск
И полнится кошмарами
.
.

1938 август

«Давно перепутал я символы веры...»

Давно перепутал я символы веры
И церковь свою воздвигаю на зыбком песке.
Меня вдохновляют подвижников древних примеры,

Строгие лики икон я созерцаю в тоске.
Мучительны поиски мудрого Бога,
И нет надежды себя спасти.
Творю молитвы, шепчу: – Прости!..
В моей душе гнездится тревога.

1938 август

«Когда готовится война...»

Когда готовится война,
Скорее прозреваешь Бога –
И сердцу бранная тревога
В годину смуты не страшна.

На подвиг позовёт страна,
И будет суд свершаться строго.
В глухие дни погибнет много
Людей. Им будет смерть красна.

1938 сентябрь

1939

Врубель

Мой Врубель, высказать тебе смогу ли
Всю горечь, что вольна сорваться с горьких губ.
Роится, разлетается, как мыслей улей,
Моё весёлое и звонкое – Могу!..
С утра гремлю заслонкой. Занят делом.
Заспан.
Наткнушь на заступ. Кто-то свет мне застит,
Глаза заслонит, спросит: Любит ли вас Пан?
Звучит свирель, и я опять во власти
Ночных напевов. Но подступит счастье
И полоснёт по горлу острой бритвой,
Или укажет кратко: Вскройте вены!..
О, нет! В своей я смерти не виновен,
Ещё пиджак мой кровью не закапан,
И ворон не кричит над отчей кровлей.
Все черви выпадут. Вся масть.
Взирает молча голый череп.
Живу давно с бубновой дамой
У самой городской черты.
Меня страшит десятка пик,
Восьмёрка трэф. Судьба гадалка

Посмотрит скорбными глазами
В пустые, тёмные глазницы.
Мне самого себя не жалко.
Я ваш покорный, скромный ученик,
И не могу никак остановиться.
Вдруг сорвалось, нахлынуло Ночное.
Пахнуло степью. Гулко ржали кони.
К траве припал и долго бился инок,
И у него прорезывались рожки.
Узорны были травы. Плыли зори.
Цветы, как факелы, дымились и чадили,
Вытягивались тонкими свечами.
Не знаю сам, что сталося со мною.
Я звал любовь, покуда бредил Врубель,
И в зале было чадно от сирени
В цвету. Тут жизнь его пошла на убыль.
Забила Лебедь белая крылами.
Всегда так было. И всегда так будет.
Надеюсь, мне не изменяет память.

1939 январь 19

**«Что не существенно,
то пресущественно...»**

В.М.

Что не существенно, то пресущественно
быть может.

Испепелён и переполнен пеплом страсти
Он и главу свою посыпал пеплом синим...

– Усталый друг наш духом изнеможет –

Так говорил изнемогавшему от власти –

– Его тревоги, как рукою снимем,

Он будет волен властвовать над плотью.

А мы встречать его готовились по платью.

Над мороком, широким взмахом крыл

Простёрт, он бронзу шумно отряхает.

Под тяжким взмахом крыл покорный засыпает.

Кто тайну тяжкую безумцу приоткрыл?

Его глаза расширены от боли

Он видит мир, как на ладони: горы

И реки синие венозных жил....

Ещё недавно он спокойно жил,

Ещё вчера он слушал разговоры

Своих друзей и не был вовсе болен.

Его болезнь!? Что может быть любезней

И обязательней для всякого поэта? –

Как хорошо переболеть любовью вечной

И знать, что будет сниться Беатриче.

Нам радостны воспоминанья детства!

Он, голову склонив и обхватив колени.

Провис в пространстве неподвижной глыбой.

– Когда бы встретиться с тобой могли бы

Мы скоро... – Запеклися губы.

Всё ж не из камня он. Однако точит камень

Седое время, обдувает ветер...

Друг, погоди, ты будешь снова с нами...

1939 февраль 22

«Как с ладони сдуну пустынь песок...»

Как с ладони сдуну пустынь песок,
То пустынножителя в руках расцветёт посох.
Богом данное – древо зелёное.
В тех лесах избуду мои многие радости,
Во грехах погрозший в младости.
От гордыни мира скрытый,
Приму схиму в ските.
О, порывы благие, вы не вечно спите!..
Наяву я прозрел древо зелёное.
Так поёт душа, любовью дыша,
Для блага жива – благовестница –
Благолепная духу лестница.
От небес до земли настигается,
По ней ангел господень насыщается.
А вокруг леса, где певчих птиц голоса,
Где дух медвян от душистых трав,
Где до смертного часа человек здрав,
От мира ограждён, к небесам вознесён.
Спаси, Господи, люди твоя!..

1939 март

Так вот, когда остался я один (Триптих)

1.

Так вот, когда остался я один
И сразу стал ненужным и ничтожным,
Вновь предался моим мечтам тревожным,
Преодолеть пытаюсь тяжкий сплин.
Презрел людей, и в бегстве от любви,
Блуждал все дни в безжизненной пустыне.
Стремился дух к отверженной святыне –
И сердце задышалось в крови.

2.

Так вот, когда остался я один
Нахлынули разрозненные мысли,
И некуда бежать, кругом провисли
Громады мной не прожитых годин.
Я отогнал докучные надежды,
Что крались вслед, вселяя суету.
Теперь спокойно в камни прорасту,
Седые мхи заменят мне одежды.

3.

Так вот, когда остался я один
И, радостью отравлен, задыхался...
Терновник за края одежд цеплялся
И провисал над крутизной стремнин.
Мне стало одиночество наградой
За то, что я избрал неверный путь.
Тут снова – скорбь мою стеснила грудь
И сердце переполнило досадой...

1939 апрель

Хлебников

Хранитель старинных преданий,
Я молча поник у черты.
Совсем знакомые снились мне черты
В часы тревог и ожиданий.
А глаза – холодной, синей воды,
Как две пригоршни подняты к небу,
И в них отражается свет вечерней звезды.
Словно лиственный шёпот: – Мне бы...
На воды ложится долгая тень,
И встаёт над кровлями Хлебников,
Обрывая лепестки ромашек.
В ногах его путается низкий плетень,
Кора берёз подставляет ему слои бумажек,
Чтоб он вывел слово, да был таков.
Многозначительней тысячи учебников

Мудрое речение поэта.
Дети сплетут из полевых цветов
И возложат на голову мудреца венок.
Терзая крылья нарядных мотыльков,
Будут славить они знойное лето,
Превращая радость в унылый урок –
Так несносны человеческие детёныши.
Мудрый Хлебников дарит улыбки –
И взлетают, трепеща крылами ошибки,
Которые выверил он уже –
Словно шумная стая нетопырей.
Виснет каплей чернил на гусином пере,
Но стекает расплавленным оловом слово –
И люди гибнут в бранной пре...

1939 май 14

Слово

Есть в слове трепетная плоть.
Земное, гибельное тело.
Оно мгновенно оскудело.
Едва презрел его Господь.

Но дремлет словно голубь, Дух,
Во глубине его сокрытый,
Суровой пеленой повитый,
Он и в тенетах бредит вслух.

Крыла свои подьѐмлет слово
И рушит грубый матерьял,
Когда из естества гнилого
В прозрачный яснится кристалл.

Не утерав былые свойства,
Но сотни граней обрѣтя,
Оно, как малое дитя,
Встаѣт само на путь геройства.

1939 июнь 8

«Как яблоня в сплошном цвету...»

Как яблоня в сплошном цвету
Раскинула свои побѣги,
И ветви полны душной неги –
Так я рашу мою мечту.

Но сотни белых лепестков
Дождѣм валятся на дорожку,
Так я стрясаю понемножку
Всю мишуру весенних снов.

Давно опал последний цвет,
И на ветвях обильна завязь.
Меня томит глухая зависть,

Мои цветы – все пустоцвет.

1939 июнь 14

Мертвец

На тёмном лице его
Копошатся мухи...

Ввалились глаза.

Синева
впадин –
обведена
углем.

Чужая слеза
Жжёт
Жёлтую
Кожу.

Над гробом
веют
духи.

Так можно стать
совсем смуглым,
застыть

мёртвым.

Не ставьте труп
у всех на виду,
чтобы ложь
не липла
к нему.

Лучше бы
быть одному,
чем в толпе
зевак.

Ведь
не в силах
руку
поднять
никак

Мертвец,
над которым
люди творят —

порушение и обиду...

Словно
длинная палка
простёрт
в гробу.

Белый венчик
лежит
на жёлтом
лбу.

Руки
сложены
на груди
крестом.

Ничего не скажет,
покидая
дом.

Так уходят все,
покидая
дом,

но никто
не властен
придти
назад.

От цветов
давно
темнеет
лицо.

От пряных
запахов
убежать
нельзя.

По ландышам белым
Ползёт,
скользя,
зелёная
гусеница
к рукам
мертвеца.

Недвижны руки.
Скованы
члены.
С жёлтого
лица
не сходят
муки.

А тут –
мухи!

Встать бы из гроба!
Убрать цветы!
Стряхнуть
мишуру гробовую
к ногам,

от всех провожатых
уйти –

в храм.

Но только
и там
не избыть
суеты.

И там
равнодушно
творят
обряд.

Святые слова
Говорят
невпопад,

глазом мигает
над трупом
поп,

друзья и родные
смотрят
в гроб,

брезгливо
целуют

белый венец —

И всё это:

молча,
терпит
Мертвец.

Господи!
Избави
труп
от поругания
близких!

Защити
от скверны
земной!

Не дай душе
быть
исчервоточенной!

И в последний час
погребения
ниспошли
терпение

перенести
эту

пытку!

1939 июнь 21

«Мы одни остались в саду...»

Мы одни остались в саду,
Для беседы я слов не нашёл,
Но принёс от тебя резеду
И поставил на письменный стол.

Этой данью с душистой гряды
Ты сумела сказаться без слов –
Сладким запахом резеды
Я себя одурманить готов.

1939 июнь 29

«Душа изнемогла от скорби...»

Душа изнемогла от скорби.
В моей гробнице скараabei.
Отточены серые плиты –
И путь заказан в Египет.

Тяжёлый камень привален

К дверям забытого склепа,
И свет увидит едва ли,
Истлевший в гробу скелет.

Хотя бы вольные птицы
Донесли до меня вести
О том, как время мчится,
Какие народы в чести.

Мне скучно, давно я умер,
Забылся сладким сном смерти.
Надо мною вечные сумерки,
И от вечной тьмы не уйти.

1939 июль 5

Танка

Перед зеркалом
Ты заплела косы,
Звонко смеялась.
Сетью волос душистых
Я навеки опутан.

1939 август

«Белые голуби над маленьким домом...»

N.

Белые голуби над маленьким домом
Тонули в небе глубоком и голубом,
Вместе с дымом сизым столбом
Тянулись к высям от солнца весёлым —

И так золотиста была глубина,
Что не было сил отойти от края,
Выросли крылья, и хотелось, играя,
Кинуться в небо до самого дна.

1939 август 19

На полях книги В. Иванова «Cor Ardens»

В пылающем сердце твоём
Я вещие зовы прослышал,
Из дома родимого вышел
Сокрытый искать водоём.

И слово взлетело, как голубь,
И внятно для спящего слуха —

На воды сошествие Духа,
Когда всколебалася прорубь.

1939 сентябрь

«Видали как в клетке...»

Посвящается. В.М.

Видали
как в клетке
мечется лев,
Которому
быть довелось
пленником,
Он лапой
бьёт
брусья
и, дико взревев,
Бросает вызов —
бездельникам!
Тот зверь —
мой тёзка.
В лютой тоске,
С утра
полоумный
мечусь
по аллеям.

Кто мне скажет:
– Теперь
ты с кем?
Подарит улыбкой
и пожалеет.
В дни,
когда мир
забрел
войной,
Оскалила смерть
свои белые
челюсти,
Хочу, чтобы ты
была
со мной.
Дерзкий,
покуда
цел ещё!..
Звонкий смех
в моих
ушах
Звенит,
как сладкая
музыка,
Я ускоряю
неволью
шаг,
Мелькнула
твоя мне

блузка...
Легко растерять
от восторга
слова,
Что встали, как
иглы,
торчком,
Сегодня пошла
об заклад
голова —
Играю на
жизнь
в очко!
И только
с поля
сгребать трупы
Начнут
по братским
могилам,
Слова
этих братьев
станут
скупы,
Но
слишком дороги
милым.
Сегодня
готов просить,
как о милости:

Приди
не к мёртвому
в часы погребения!
Знаю,
мне пытки такой
не вынести,
Если
надежды
нет
на спасение.
Ещё в Египте,
в глубокой
древности,
Любовь
источила меня,
как ржа,
С тех пор
я теряюсь
в повседневности,
Участьем и лаской
твоей
дорожа...
Быть может,
в сохранности
жёлтая мумия,
Которую тлен
пощадил
для вечности,
Готовы в музеях

поэты
в раздумии
Часами смотреть
на сухие
конечности.
И я открыл
для себя
однажды
Твоё лицо
под стеклом
в витрине,
Губы
иссохли
от вечной
жажды,
И я
целовать их
не смею
ныне.
Поверь,
что радостью
навек
вымучен,
Стихи слагающий
о любви.
Заново
египетский язык
выучи.
Разбей стекло!

1939

Монолог Петрушки

*Ночь. Влюблённый Петрушка остался один.
Тусклое небо и матовая, круглая луна.*

В такую бездонную глубину
Не хотелось бы мне упасть.
Но вот я снова вижу луну.
И в сердце вспыхнула страсть,
Такая бездонная, как луна,
Как матовый шар фонаря.
Душа, словно небо, не знает дна,
И я задыхаюсь, паря...
Я места себе не найду от тоски,
Синим пеплом покрылись мои виски.
В глазах поплыли тёмные мушки.
Любовью отравлено сердце Петрушки.
Деревянная голова
Падает с плеч.
Сегодня мне стали ясны слова:
«Игра не стоит свеч»!

Ночь задувает свои светильники,
Уже чадит не один фитиль.

Сыплется с неба млечная пыль,
Словно серебряные полтинники.
Блестит асфальтовая мостовая.
Ветер доносит звонки трамвая,
Ундиной предстала мне любимая,
В зелёном платье, в венке из кувшинок,
Когда с балаганом проехал мимо я
Давать спектакль на колхозный рынок.
Не многих тронет печаль Петрушки.
Девушка скрылась в ближней роще.
Долго кричали вослед лягушки...
И мне бы крикнуть! Было бы проще!
А я заломил нелепо руки
И произнёс монолог о разлуке.

Ночь, ты видишь унылого путника,
Который сбился и никнет у рампы.
Он больше не скажет ничего путного.
Повалится с ног и подавит лампы.

1939 октябрь 25

Виланель

Услада жизни в жёлтом, красном.
И славит разум чистый цвет
В их сочетании согласном.

Душевный жар в порыве страстном
Сумел отобразить поэт.
Услада жизни в жёлтом, красном.

Погибнет всяк в пути опасном,
Кому живого смысла нет
В их сочетании согласном.

На небе нестерпимо ясном
Оранжевый пылает свет –
Услада жизни в жёлтом, красном.

Мир плавится веленьем властным,
И тяготеет вещей бред
В их сочетании согласном,

Когда в неведение всечасном
Вникаем в тысячи примет,
Услада жизни в жёлтом, красном,
В их сочетании согласном.

1939 ноябрь 9. (1940?)

«Порой четырёхстопный ямб...»

Порой четырёхстопный ямб
Вселяет слабую надежду,
Что будут ясными стихи.

Но убежать от волчьих ям
Напрасно мыслю, только стражду
И в строках поверяю вздохи.
Провалы памяти моей
Бездонны...

И когда я сгину,
То будет кости мыть ручей,
Поспешно прядая в долину.
И хлебом будет Око мне,
И пивом будет Око мне,
И боги будут близки мне
В краю,
где нет земных страстей.

Когда поют матросы Ра,
Приветствовать богов пора.

И всплески вёсел ловит слух,
Встречая светлую ладью,
И громко торжествует дух
У тёмной бездны на краю.

Да будет мир в душе твоей!
В гробнице нет земных скорбей,
И если дни полны тоски,
Ты будешь видеть сны во сне.

И ямбы сыплются ко мне.
И камни сыплются ко мне
На грудь – и невозможно мне
Их стронуть – так они тяжки.

1940 февраль 2

«Луна двурога...»

«Луна двурога...»

А. Белый

Луна двурога.
У полубога на лбу два рога.
Побудь со мной!
Во мгле дорога,
Томит тревога,
Ещё немного – побудь со мной!

У тебя лик Каина,
И печаль твоя высока, высока...
Выше дома растёт раскаянье,
Поднимаясь под облака.
Но тяжёлые копыта
Ударяют по земле.
Но тяжёлые копыта,
Но тяжёлые копыта
Ударяют
по земле!

1940 февраль 4

«Рождён поэтом...»

Рождён поэтом
Скромную прозу презрел,
Стал петь союз Муз.
Мне девять босых сестёр
Гудок вложили в уста.

1940 март

«Так повелось...»

Так повелось, что не Гоген – Ван-Донген:

Три синих ветви, вскинутые к небу,
Весна над розовым квадратом дома.

1940 май

Три путника

Мы выбежали, словно дети,
Из дома душного на волю.
Тянули сок из стебля трав
И были радостны с утра.
Теряли весело рассудок.
По лугу он летал, как мячик.
Его не сдерживали сети
Покорно принятых запретов.
Там от очков метнулся зайчик,
Но был к земле прижат ладонью –
Уж не скакать ему по кочкам.
Тонули в топи незабудок,
А на воде темнела тина,
Осока попадала в стену,
Короткие ложились тени
У ног, и надвигался полдень.
Охотно каждый бредил сенью,
Когда катилось лето в Лету...

Те крылья – цвета спелой ржи.
И голубыми васильками

Расшиты белые одежды.
Три путника своей дорогой
Идут и кличут Авраама.
Кругом протоптаны межи,
К реке протянут скат пологий,
В низине тучные стада.
Пастух дудит вдали на дудке.
Мы собираем незабудки.
А в полдень тронется вода.

И снова ржавый купол храма
Встречает снятыми крестами,
И снова попораны надежды...
Вдали: три посоха, три ангела...
Три белых голубя: над нами.

1940 июль

День траура

В день траура уснет война,
Под голову положит руки.
Страну подавит тишина,
И неизбывной скорби звуки
Сорвутся с оркестровых труб.
Как будет горек голос меди,
Когда у смерти много снеди.
От сна воспрянет каждый труп

С тяжёлой думой о погосте.
А там, под грудой развалин,
Белеют молодые кости,
И череп весело оскален.
В глазницы понабила пыль.
Но сраму мёртвые не имут,
Они ползут туда, где омут,
Где тиной зарастает быль.
Кусочки синего свинца
Лишь точки смертного конца.
Воронкой взрыты водоёмы,
Мосты разрушены, дома
Сошли от ужаса с ума,
Они друг другу незнакомы,
Стоят расколоты тоской.
Дверь бьётся в панике доской.
И окон впадины пустые
Роняют звонкое стекло
На вздыбленные мостовые,
Где столько близких полегло.
Всех беженцев, сирот в слезах
Земля чужая не приемлет.
Людей отчаянье объемлет,
За ними тенью ходит страх.
В окопах плач о матерях,
В домах стенание о сыне.
Удачен у войны покос,
Что не селенье – то погост.
И сладко ей дремать на Сене.

Твой траур Франция во мне,
Ты гибель обрела в войне,
Но не постыдна эта гибель.

1940 июль 26

«Смерть пришла согреть поцелуем...»

Смерть пришла согреть поцелуем
И сказала на ухо нежно:
– Пройден путь твой, конец неизбежно
Подступает, и гроб неминуем.
Так пойдём и закажем белый,
Самый прочный, самый просторный.
Я послушал и вышел покорный
В путь, где ждут меня Хлебников, Белый.
Смерть сама покупала цветы,
Вырастал одуряющий ворох,
Я томился в пустых разговорах,
И поблёкли, завяли мечты.
Жизнь упала могильной плитой
И мерещится жалким надгробьем.
Стал я серым и пыльным подобьем,
Весь источен дневной суетой.
Не по сердцу любимое дело,
Показались чужими тетради.
Смерть разгладила жидкие пряди
Кос и молча у зеркала села.

А потом мы открыли вино
И, как кровь, нацедили в стаканы.
Долго пили и не были пьяны,
Лишь туманы ползли к нам в окно.
Смерть с противным своим поцелуем
Не торопится, сводит с ума –
И уже позабыла сама,
Что мы целую вечность толкуем.

1940 октябрь 21

Святой Сисиний

Как на море-океане
Виден бел-горючий камень.
Встал на нём святой Сисиний,
Держит свод небесный, синий.
Плащ на нём, как в осень ясень,
Сам он, словно солнце, красен.
Зелена под ним пучина,
Глубока, черна кручина.

Всколебались гулко хляби,
Поползли из вод по зыби
Лихорадки, сыпи, ряби,
В чешуе горя, как рыбы.
Поднялись нагие сёстры:
Груды острые, локти острые,

Взгляды дики, злобны крики,
С воем тянут в тине руки.
Косы мокры, их не выжать.
Трудно будет нежить выжить.
Спали струи водяные,
Встали девы водяные,

Изметнулись, словно змеи,
И застыли, сёстры злые,
Видя, как святой Сисиний
Держит свод небесный синий.
На нём плащ, как в осень ясень,
Сам он, словно солнце, красен,
Зелена под ним пучина,
И плывёт со дна кручина...
Нарастает в сердце злоба.
Сына тянет мать от гроба.
Люди стынут, тяжело стонут,
Стоны к ночи громче станут.

Как огонь сжигает хворост,
Гнёт людей и ломит хворость.
Каждый, внемля трясовицам,
Словно тяжкий сноп валится.
И зывать к святому надо:
– Изгони исчадья ада,
Исцели, святой Сисиний,
Помоги, святой Сисиний!..

Тут на бел-горючий камень
С облак пал небесный пламень.
Облеченно плотью слово.
Над святым рука Христова.
Он упорен в чистой вере,
Свет вокруг него струится:
– Сгиньте, Иродовы дщери,
Дети мрака, трясовицы!
Уж не место на земле вам
Вечно зло творящим девам!

И сестёр, что злобы полны,
С торжеством пожрали волны,
Те, шипя в воде, как угли,
Шли ко дну черны и смуглы.
Как на море-океане
Виден бел-горючий камень.

Там стоит святой Сисиний,
Держит свод небесный синий,
Плащ на нём, как в осень ясень,
Сам он, словно солнце красен.
Зелена под ним пучина,
Полегла на дно кручина.

1940 октябрь 30

«В те дни, когда нас посетил Господь...»

В те дни, когда нас посетил Господь,
Мы не могли уйти от нашей скорби.

Была глухая осень, гасли дни,
И падали с дождём ненастным листья.

Я помню краткое богослуженье,
Цветы и оплывающие свечи.

Когда твой гроб мы вынесли из церкви –
Я видел просветлённое лицо,

Красивое и чуждое земным
Страданиям, тронутое тихим тленом.

И, помню, я благословил тогда
Святую смерть за тяжкую утрату.

Гроб опускали плавно на верёвках,
И сыпались земли сырые комья.

Она не говорила: – Тише,...тише....
И губы не ловили жадно воздух.

Лишь о себе я плакал и о церкви,

Утратившей свою былую силу.

Всё было скромно, никакие люди
Присутствием своим не тяготили.

И только я остался одиноким
С холодной и чёрстою душою,

Но верю, что любовь ещё приснится
И озарит меня своим небесным светом.

1940 ноябрь 16

«Каждое движение твоё...»

Каждое движение твоё,
Каждое слово твоё –
Для меня – откровенье.
Я мечтаю с тобою вместе
Собирать вишни и сушить яблоки.
Никогда не пройдёт детство –
Будут вечно жить в памяти
Одни и те же годы.
И всегда ты будешь девочка,
Мною встреченная впервые
В незабвенном Египте.
Верю, суждено повториться
В вечности каждой встрече.

1940 декабрь 5

«Не ты ли Хлебникова звал...»

Не ты ли Хлебникова звал
В свои укромные владенья,
Ему сирень покорно рвал,
Читал свои стихотворенья.

Он здесь, давно перед тобой,
Его волос струятся змейки,
Огромный, он порос травой
От яблони и до скамейки.

Ты полюбил его слова,
Что пали наземь лепестками.
И пыль у ног его жива,
И камень шевелит губами....

Прими бессмертие его
Без зависти, без сожаленья.
Он как возник из ничего,
Так и уйдёт без повторенья.

1940 декабрь

1941

«Я ношу тоской спелёнутую душу...»

Я ношу тоской спелёнутую душу,
Даже рук она освободить не в силах.
Ей твержу день изо дня одно и то же,
И не спит душа, мне прямо в сердце смотрит.

1941 январь

«Ты Невеста моя и Жена...»

Ты Невеста моя и Жена,
Но туманен и странен Твой лик,
Неизвестны Твои имена,
Я не видел Тебя и отвык.

Но хотелось бы чувство донести
Не утраченным до конца,
Чтобы снова небесная весть
Окрылила наши сердца.

1941 февраль

«Дни мои...вы обступили меня...»

Дни мои...вы обступили меня,
Тщетно хочу оттолкнуть вас рукою.
Встали стихи мои каждой строкою,
Как обвинители против меня.

Дни мои вы поглотили меня,
Опустошили, развеяли прахом
Всё, что сложил я с любовью и страхом.
Что вы имеете против меня?..

1941 февраль

«Ты звал меня, Господь, – я посетил твой храм...»

Ты звал меня, Господь, – я посетил твой храм,
Я обошёл пустынные могилы,
Я близким людям поклонился там –
И были мне воспоминанья милы.

О, только бы не покидали силы,
Не подступала к сердцу суета.
Предвижу на пути я не одни могилы,

Жизнь озарённая Тобой – чиста.

1941 март 2

Рондо

В.М.

*«...Ты любишь петь качаясь,
Крылья смежив, глаза закрыв...»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.